

Дом

БЕЗ РЕЦЕПТА

Алексей Петровка

Долг без рецепта

<https://litres.ru/74363667>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ночная смена в аптеке — отдельный мир. За три стекла — строгий провизор Акимов, который с тех пор выдаёт только то, что написано в регламенте, и только так, как предписано. Ирина Одинцова каждую смену привозит его заявки, знает его почерк лучше собственного и ненавидит его вежливое равнодушие. Пока в одной из ампул, которую он продал ей три года назад, не оказывается её собственная фамилия. Осталась одна ночь, чтобы принять долг, которого не вернёшь деньгами. Но принимать его — значит переписать всю её прошлую жизнь. Что останется от человека, если отнять часть истории?

Содержание

Ночная смена	4
Окно без ответа	19
Пациент с шестого	35
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Алексей Петровка

Долг без рецепта

Ночная смена

— Деразин есть? — спрашивает Ирина, не поднимая головы от планшета.

Бригадир Ковальчук перекладывает бумаги на столе, медленно, с расстановкой. Ей кажется, что он специально шуршит — чтобы все слышали, как он тут главный.

— Сначала разбор, — говорит он. — У вас, Одинцова, три недочёта за прошлую смену. Первый: не заполнили графу «побочные реакции» в карте двадцать третьей. Второй: расходный материал не переписан. Третий...

— По факту, — перебивает Ирина. — Графа «побочные реакции» заполняется только при наличии. Не было. Расходный материал — переписала в конце смены, но вы ушли раньше.

Ковальчук поджимает губы. Рядом сопит новенький стажёр, что-то помечает в своём блокноте. Это его второй выезд — Ирина уже забыла его имя. Серёжа? Стёпа?

— А вы, Одинцова, всё спорите, — Ковальчук складывает руки на груди и откидывается на спинку стула. — Вот в этом и проблема.

Ирина кладёт телефон экраном вниз. Тихий щелчок пластика о пластик — единственный звук, который она позволяет себе в ответ.

— Я не спору. Я докладываю.

Ковальчук смотрит на неё. Она держит паузу. Раньше она бы опустила глаза — сейчас ждёт. В коридоре гудит холодильник с лекарствами, и этот гул заполняет паузу лучше любых слов.

— Ваш план распределения, — Ковальчук наконец кивает на планшет, — не принимаю. Второй номер — на профилактический осмотр, а у нас вызовы падают в Седьмой квартал в последние три ночи.

— В Седьмой квартал было три вызова, — Ирина поднимает планшет, показывает цифры. — Один — гипертонический криз, два — алкогольная интоксикация. Профилактика там снизит время реагирования на семь минут. А второй номер нужен на маршруте к Сортировочной — там за последнюю неделю четыре сердечных.

Стажёр за её спиной издаёт короткий звук — то ли кашель, то ли одобрение. Ковальчук на это не смотрит.

— Семь минут — не аргумент, — говорит он. — Маршрут к Сортировочной — это восемь километров с учётом дороги. Ночью пробок нет.

— Есть дорожные работы, — Ирина показывает следующий экран. — Перекрыт участок у моста. В объезд — плюс двенадцать минут.

Тишина. Ковальчук молчит. Он не открывал планшет ни разу за смену — Ирина знает, что он всегда работает по памяти, но память у него не обновляется.

— Ладно, — говорит он наконец. — Второй номер — на Сортировочную. Но за прошлые недочёты — отчитается письменно.

Ирина кивает. Это дёшево — письменный отчёт стоит двадцать минут, когда у неё на всё про всё до смены осталось два часа.

— Принято.

Стажёр позади неё выдыхает. Ирина оборачивается — он быстро прячет глаза в блокнот.

— Так, — она поднимается. — Разбор окончен. У меня вызов, мне нужен деразин. Кто-нибудь видел, куда подевался ящик с препаратами?

Ковальчук разводит руками:

— По документам — выписан вчера вечером. На вашу же фамилию, Одинцова.

— Не выписан, — говорит Ирина, хотя голос чуть садится. — Заказан. Есть разница.

— Заказ не оформлен, не привезён. По документам никого.

Ирина закрывает глаза на секунду. Считает до трёх.

— В аптеке на Третьей линии есть запас. Они работают круглосуточно.

Ковальчук смотрит на неё — этот взгляд уже почти похож

на жалость:

— Тогда зачем вы мне это рассказываете? Езжайте.

Она уже натягивает куртку. Лямка сумки режет плечо — привычно, натренированно.

— Так, давайте по делу — у меня вызов, мне нужен деразин.

Аптека «Ночная» встречает её гулом холодильников и запахом виниловых перчаток, присыпанных парафином. Ирина толкает дверь — та поддаётся не сразу, будто держит что-то тяжёлое с той стороны.

За прилавком — мальчишка, лет девятнадцати, в белом халате поверх клетчатой рубашки. Он поднимает голову от учебника — на обложке золотыми буквами «Фармакология. Часть вторая».

— Здравствуйте, — говорит он. — Мы... только что закрылись.

— Ты шутишь? — Ирина подходит ближе. — У вас надпись «круглосуточно» на дверях.

Мальчишка чешет затылок, халат задирается, и она видит, что у него под ним — выцветшая футболка с каким-то принтом.

— Ну, формально мы... — он запинается. — Аппарат ночной есть. Слева от входа. Там все основные позиции.

— Мне нужен деразин. У вас есть деразин?

Мальчишка моргает. Оглядывается назад, будто спрашивая у кого-то разрешения. За его спиной подсобка — дверь

приоткрыта, и оттуда тянет кофе. «Три в одном», дешёвый, растворимый — Ирина узнаёт этот запах.

— Деразин... — мальчишка листает журнал на стойке. — Это ж по рецепту, да? Какой формы?

— Экстренная. У меня пациент с отёком Квинке, я беру под свой контроль.

Мальчишка явно колеблется. Он смотрит в сторону подсобки и обратно.

— Ну, я не могу без подписи заведующего. А он... он там.

— Так позови его.

— Он не любит, когда его зовут, — мальчишка говорит это почти с уважением. — Тимофей, говорит, если нужно — зайди сам.

Ирина смотрит на часы. Прошло пять минут с момента, как она зашла. Каждая минута — это минута, которую она потом не вернёт.

— Слушай, Тимофей, — ей приходится прочистить горло. — Мне не нужен формальный отпуск. Мне нужен препарат. Сейчас. Для конкретного человека, который задыхается в квартире на Девятой Советской.

Тимофей молчит. Он смотрит на неё — как смотрят на человека, который просит сделать что-то, за что потом будет плохо.

— А без него никак? — спрашивает он.

— Без него — никак.

Из подсобки доносится шорох. Потом — скрип стула.

Ирина замирает. Она знает этот звук — так скрипит старое офисное кресло, когда человек встаёт с него тяжело и медленно.

Дверь открывается.

Аптека «Ночная» на Третьей линии работает с девяносто восьмого года. Её стены помнят три ремонта, две смены владельцев и одного заведующего, который не менялся ни разу за двадцать лет. Глеб Акимов пришёл сюда сразу после провизорского, в две тысячи четвёртом. Он говорит про себя: «Я сюда врос», и это не шутка.

Сейчас он стоит в дверях подсобки, и полоска жёлтого света от лампы у него над головой делает кончики его пальцев неестественно жёлтыми. Он держит в руке кружку с кофе «три в одном» — на дне уже собирается осадок.

— Тимофей, — говорит он. — Я просил не пускать посторонних за барьер.

— Она не за барьером, — Тимофей показывает на Ирину. — Она у окна.

— За барьером отчётности, — поправляет Акимов. Он ставит кружку на край прилавка, и та стучается глухо, керамикой о пластик. — Вы кто?

Ирина называет себя. Акимов слушает, не шевелясь. Его лицо — это лицо человека, который слышал уже всё, и каждое слово отскакивает от него, как от стены.

— Деразин, — повторяет он. — По экстренному запросу бригады скорой. Форма номер шесть.

— Да, — говорит Ирина. — Экстренный запрос. У меня пациент в квартире на Девятой Советской, отёк гортани. Я могу предъявить документы.

Акимов смотрит на неё. Впервые за всё время — не через стекло, не через список препаратов, а прямо в лицо.

— Форма номер шесть предполагает, — говорит он медленно, с придаточными, как человек, который привык объяснять то, что другим кажется очевидным, — что у вас при себе есть направление, заверенное старшим врачом станции, и что вы готовы внести деразин в приложение к путевому листу в течение двух часов после выдачи. Есть направление?

Ирина молчит.

— Есть путевой лист?

Ирина молчит.

Акимов наклоняет голову — вот так просто, немного вбок, и жёлтые кончики пальцев ложатся на прилавок.

— Тогда я не имею права ничего вам дать, — говорит он. — Формально.

Она смотрит на него. Тимофей замер с тряпкой в руках над витриной, и воздух в аптеке будто бы стал плотнее. Слышно, как в шкафу за прилавком тикает реле — электрический щелчок каждые сорок секунд, как старый метроном.

— Глеб Анатольевич, — говорит Ирина. У неё голос чуть-чуть садится, и она прочищает горло. — У меня человек задыхается. Ему хуже не станет от того, что я не привезу деразин, — ему станет хуже во всех остальных случаях.

— В остальных случаях, — отвечает Акимов, — у вас есть адреналин, глюкокортикоиды, ингаляция кислорода и час до начала необратимых изменений. Деразин — это противоритмическое. Он не для отёка гортани. У вас что, тромб?

Ирина замирает. Этот вопрос — он точный, как удар ножом по больному месту. Она не говорила о тромбе. Не говорила в заявке. Не говорила диспетчеру.

— Аритмия на фоне тромбоэмболии, — говорит она. — Отёк — вторичный. ЭКГ показало расширение интервала QT.

Акимов смотрит. На него находит пауза — долгая, тягучая, как будто он взвешивает не её слова, а что-то за ними. Он смотрит на неё — не на халат, не на бейдж, не на руки. Он смотрит ей в лицо, и Ирина понимает, что это не обычный взгляд провизора.

— Вы — Одинцова? — спрашивает он.

Она кивает.

Акимов опускает глаза. Он смотрит на свои пальцы — жёлтые в свете лампы, лежащие на прилавке, — и его лицо меняется. Не сильно. Чуть-чуть. Чуть плотнее сжимаются губы.

— Я знаю вашу фамилию, — говорит он. — Три года назад я работал в аптеке на Боровой. Ваш отец выписал рецепт на аминофиллин, и я его отпустил. Формально — по всем правилам. Формально — проверил штамп сверки. На деле — рецепт был с ошибкой, а я не заметил. Пациент умер.

Ирина не дышит. Тимофей замер с тряпкой.

— Я не знала, — говорит она.

— Я уволился оттуда по собственному желанию, — Акимов говорит это спокойно, как читает вслух инструкцию. — Потому что врача, который выписал тот рецепт, не наказали. Его не наказали даже когда выяснилось, что я не проверил как следует. А я проверил. Я помню этот рецепт. Помню подпись. Помню, что она была с усилием, как будто человек торопился и не хотел оставлять след.

Ирина опускает глаза. Телефона нет в руке — она оставила его в машине, но она всё равно сжимает кулак так, как будто он там.

— Я дам вам деразин, — говорит Акимов. — Если вы подпишете лист, что берёте всю ответственность за его применение на себя.

Ирина поднимает голову.

— Это не предусмотрено протоколом.

— Да, — подтверждает Акимов. — Не предусмотрено. Но я не могу иначе. Мне нужна бумага.

Его голос ровен. В нём нет ни жестокости, ни удовольствия — только усталость, глубокая, как тот самый осадок на дне кружки.

— Вы же понимаете, — говорит Ирина, — что если я подпишу — это конец моей карьеры. Утром придёт ревизия. Они увидят лист, которого не должно быть.

Акимов смотрит на неё:

— Понимаю.

Тимофей переводит взгляд с одного на другого. Он явно не знает, что сказать, и поэтому молчит.

— Я вам помогу, — говорит Акимов. — Но вы сначала подпишете.

Ирина смотрит на него. Ей нужно прочистить горло. Она это делает. И потом говорит:

— Вы знаете, что без рецепта я ничего не дам.

Акимов смотрит на неё. Пауза. Жёлтый свет лампы дрожит на его пальцах.

— Да, — говорит он. — Без рецепта — не дам. Но есть другой способ.

Ирина ждёт.

— Вы можете подписать лист экстренного использования, — говорит Акимов. — Я вам дам препарат, вы его примените, а утром пришлёте подтверждение от врача. Если всё сойдётся — никто не узнает. А если не сойдётся — я скажу, что вы взяли препарат без моего разрешения. Вы потеряете работу. Я — нет.

Он говорит это без эмоций. Как говорит о погоде, о том, что завтра потеплеет или похолодает.

Ирина молчит.

— Или, — говорит Акимов, — вы можете подписать лист, что берёте ответственность на себя. Тогда я дам вам препарат без каких-либо подтверждений, и вы просто привезёте мне подписанную бумагу завтра утром. Это называется «вза-

имное доверие». Но для этого вам придётся мне поверить.

Он смотрит на неё. Его глаза — тёмные, усталые, как у человека, который уже всё решил.

— Выбирайте, — говорит он.

Ирина смотрит на часы. Прошло уже четырнадцать минут. Она думает о пациенте, о том, как его лицо уже синеет, и о том, что она может решить это — сама, сейчас, одна.

— Давайте лист, — говорит она.

Акимов кивает. Он достаёт из-под прилавка бланк — белый, с красной полосой сверху, таких она видела десятки. Он протягивает ей ручку.

Ирина берёт её. Кладёт кончик на бумагу.

— Я подпишу, — говорит она. — Но я хочу знать: вы помните, что три года назад — тот рецепт — его выписал мой отец?

Акимов молчит.

— Помню, — говорит он.

— Тогда вы знаете, что он умер.

Акимов кивает. Вот и всё. Он кивает, будто это давно известный ему факт, будто он ждал, когда кто-то скажет это вслух, и вот — дождался.

— Я не имею к этому отношения, — говорит он. — Я не писал того рецепта. Я его проверял. И я сделал ошибку.

Ирина подписывает.

Она кладёт ручку на прилавок. Акимов берёт лист, смотрит на подпись, потом — на неё.

— Вы отдаёте себе отчёт, что это значит? — спрашивает он.

— По факту, — говорит Ирина, — это значит, что я спасаю человека.

Она берёт коробку деразина, которую Тимофей уже поставил на прилавок, и, не оглядываясь, идёт к двери.

Тимофей смотрит ей вслед. Ирина слышит, как за её спиной Акимов складывает лист пополам — медленно, бумага шуршит, как осенний лист. Она не оборачивается.

Аптека остаётся позади. Ночной воздух бьёт в лицо — холодный, резкий, с запахом мокрого асфальта и выхлопных газов. Она садится в машину, кладёт коробку на соседнее сиденье и смотрит на часы.

Девятнадцать минут.

До квартиры — десять.

Адрес — Девятая Советская, дом четырнадцать. Пятый этаж, квартира сорок четыре.

Ирина поднимается по лестнице бегом — лифт в этом доме не работает лет десять, и она уже знает: на пятом этаже пахнет кислой капустой и сыростью. Она стучит.

Дверь открывает женщина — лет сорока пяти, в халате поверх ночной рубашки, с тёмными кругами под глазами.

— Фельдшер, — говорит Ирина. — Где он?

— Там, — женщина показывает рукой вглубь квартиры. — Ему хуже, я вызвала вас, потому что...

Ирина проходит мимо неё. В комнате — душно, пахнет

потом и лекарствами. Мужчина, лет пятидесяти, сидит на диване, согнувшись, уперев руки в колени. Его дыхание — свистящее, с хрипом, будто он втягивает воздух через соломинку.

— Игорь Николаевич? — Ирина опускается перед ним на корточки. — Я — старший фельдшер бригады. Вы меня слышите?

Мужчина поднимает голову. Его лицо — серое, влажное от пота. Губы слегка синие.

— Слышу, — выдавливают он. — Плохо... совсем.

Ирина достаёт из сумки коробку деразина. На секунду замирает. Она ещё не применила его. Это первый раз, когда она применяет его после подписи.

Она достаёт шприц.

— Не бойтесь, — говорит она. — Потерпите.

Мужчина кивает. Ирина обрабатывает место укола. Она знает: деразин — не самый быстрый препарат. Ему нужно три-четыре минуты, чтобы начать действовать. Три-четыре минуты, в течение которых пациент может перестать дышать.

— Я ввела, — говорит она. — Сейчас здесь.

Она смотрит на свои часы. Секундная стрелка ползёт по кругу, и всё, что она может делать, — это ждать.

— Как вы? — спрашивает она.

— Лучше, — говорит он. — Немного. Легче.

Секунды катятся. Ирина слушает его дыхание — свистя-

щее, но уже не такое мучительное. Женщина стоит в дверях, сжав руки.

— Он у вас... — начинает Ирина.

— Сердце, — говорит женщина. — Уже было в прошлом году. Врач сказал — таблетки. Он пьёт. А сегодня, — она показывает в темноту, где на тумбочке лежат блистеры. — Видно, не помогло.

Ирина кивает. Она смотрит на монитор, который прикрепила к запястью пациента — пульс стабилен, давление падает, но в пределах допустимого. Она ждёт.

И в этот момент — а она уже расслабилась, уже начала убирать шприц, — мужчина хватается за горло. Его глаза расширяются. Дыхание прекращается — не свистом, не хрипом, а полной тишиной.

— Нет, — говорит Ирина. — Нет, нет, нет.

Она бросается к нему, тянет его на пол, запрокидывает голову. Он не дышит. Она ждёт ещё три секунды — бесконечных, как всё на свете, — и понимает: деразин не подействовал.

Ирина вытаскивает телефон. Он лежит экраном вниз на сиденье машины — она видит его через окно, но это сейчас неважно.

— Вызывайте реанимацию, — говорит она женщине. — А я возвращаюсь в аптеку.

Дверь захлопывается. Ночной воздух бьёт её в лицо, как только она выбегает на улицу, и она знает: в следующий раз,

когда она переступит порог той аптеки, она будет торговаться не за препарат — она будет торговаться за своё прошлое.

Окно без ответа

Ирина выбегает из аптеки, сжимая в кармане телефон, который вибрирует без остановки.

Каблуки стучат по мокрому асфальту. Под рёбрами всё ещё стоит картинка: мужчина на кушетке, серое лицо, пустой флакон в её руке. Маяк аптеки — зелёный крест над крышей гастронома — мигает ей вслед, но она не оборачивается.

Через три квартала она останавливается у витрины ночного магазина. Стекло холодное, в нём отражается её лицо — бледное, с размазанной тушью. Телефон в кармане затихает. Она достаёт его: три пропущенных от Акимова, одно сообщение. Она не открывает. Смотрит на экран, пока тот не гаснет, и идёт дальше.

Аптека встречает её тишиной. Лампы гудят ровно, навязчиво. Тимофей высунулся из подсобки, держит пачку бумаг, застыл с открытым ртом.

— Вы вернулись? А препарат?

— Глеб Акимович здесь?

— В кабинете. А что случилось?

Она проходит мимо, не отвечая. Дверь в кабинет приоткрыта. Полоска света ложится на линолеум, рассекая его надвое.

Акимов сидит за столом. Пальцы перебирают бумаги — длинные, жёлтые от света. Тонкая кожа на костяшках натя-

нута, как пергамент. Он не поднимает головы, но слышит, как она входит. Слышит, как дышит — часто, сбивчиво.

— Выдал, — говорит он, не отрываясь от бумаг. — Получили. Что ещё?

— Он не дышит.

Пальцы замирают. Он поднимает голову.

— Кто?

— Пациент. Мужчина. Я ввела деразин — и он перестал дышать.

Тимофей появляется в дверях позади неё, замирает с пачкой бумаг в руках. Акимов смотрит на Ирину, и его лицо остаётся неподвижным. Он медленно кладёт бумаги на стол, складывая их в ровную стопку.

— Реакция?

— Мгновенная. Сразу остановка.

— Записали время?

— Да. Четыре тридцать две.

Он кивает, берёт ручку, открывает журнал. Чернила ложатся на бумагу с сухим скрипом.

— Я хочу посмотреть запись.

— Какую запись?

— Какую вы сделали, когда выдавали. Время. Дозу. Серию.

Акимов не поднимает головы. Рука замирает над журналом.

— Порядок оформления я соблюл. Это вы уверены, что

взяли то, что нужно?

— Это деразин. Я проверила. Флакон был запечатан, маркировка чёткая.

— Значит, проверка не сработала, — говорит Акимов спокойно, ровно. — Бывает. Ваша подпись на листе есть.

Что-то переворачивается у неё под рёбрами. Тимофей делает шаг вперёд, бумаги в его руках шелестят.

— Глеб Акимович, может, она не так ввела? Может, дозу перепутала? У людей бывает, я знаю, был случай на моей практике...

— Она сказала — по инструкции. Я ей верю.

Акимов поднимает глаза, и она не знает, что читается в них — тёмных, усталых, без блеска. Он говорит спокойно, чеканя каждое слово:

— Но есть формальность: если подтверждение сойдётся, я обязан заявить. Правила есть. Я их не пишу, я их выполняю.

Она отводит взгляд. Видит на столе его руку — кончики пальцев жёлтые, на костяшке свежая царапина, будто задел что-то острое. Он закрывает журнал и убирает его в сейф. Щелчок замка — короткий, металлический.

— Проверю по журналу, — говорит он, поворачивая ключ, — и отдам лист. Завтра.

— Мне нужно сейчас.

— Завтра.

Слово падает между ними, тяжёлое, как дверь тюремной камеры. Она прочищает горло. Оно саднит, будто наглотал

лась пыли.

— Я могу посмотреть журнал? Просто посмотреть. Я не буду ничего менять.

— Формально — нет. Он для ревизора. Если он увидит следы чужого прикосновения — будут вопросы.

— Глеб Акимович. Пациент не дышит. Я ввела ему препарат, который вы мне выдали. И теперь вы говорите мне «завтра»?

Тишина. Тимофей переминается с ноги на ногу. Потом Акимов смотрит на Тимофея.

— Выйди.

Тимофей молча исчезает. Дверь за ним закрывается с мягким щелчком. Акимов смотрит на Ирину.

— Вы знаете, кто я? — спрашивает он.

— Вы провизор.

— Я провизор, который три года назад выдал препарат по рецепту вашего отца. Павел Сергеевич Одинцов.

Она не двигается. Где-то в подсобке гудит холодильник — ровно, монотонно.

— Я не понимаю, — говорит она.

— Рецепт был формальный, но тот препарат — для сердца. Пациенту стало плохо. Проверка решила, что рецепт поддельный. Я был последним, кто его подписал. Я потерял должность старшего провизора.

Он говорит это ровно, как читает вслух чужую бумагу. Смотрит в стол — не на неё.

— Ваш отец умер.

— Да.

— Вы знали, что он выписывал этот рецепт?

Ирина кладёт телефон на край стола экраном вниз. Встаёт.

— Я не знала.

— Не знали, — повторяет он, будто пробует слово на вкус.

— Ну что ж. Формально это ничего не меняет.

Она смотрит на него. Он поднимает руку, поправляет край бумаги. Ей кажется, что он сейчас скажет что-то ещё, но он молчит.

— Мне нужно знать, что было в ампуле, — говорит она.

— Что было в ампуле, я уже записал. — Он открывает ящик стола, достаёт папку. — А что будет с вами — это вы сами решаете.

Она молчит, глядя на папку и на его пальцы, которые не выпускают её. Тишина в кабинете становится плотнее. Она слышит, как гудит лампа над столом.

— Можно посмотреть журнал? — говорит она.

Тишина. Он медленно кладёт папку на стол.

— Сначала скажите, кто вы, — говорит он.

— Я сказала. Я фельдшер.

— По паспорту. Вы — Одинцова. Дочь того, кто меня сдал.

Она отводит взгляд.

— Это не была моя вина.

— А чья? — спрашивает он, не повышая голоса. — Вы знаете, что рецепт выписывался под давлением?

Она смотрит на него. Впервые за весь разговор он поднимает голову и смотрит прямо на неё — тёмные глаза, усталые, без блеска.

— Вы знали, — говорит он.

Она не отвечает.

— Вы знали, что ваш отец выписал тот рецепт не сам, — продолжает он, и голос его становится тише и жёстче. — Вы знали, что его шантажировали. Долгом за лечение вашей матери.

Она сглатывает. Горло сжимается, и она ждёт, пока оно отпустит, прежде чем ответить.

— Это не его вина.

— Угу. И не ваша. Но кто-то должен подписать, что препарат выдан верно. — Он кивает на лист на столе. — Я подписал. Вы подписали. Теперь пациент не дышит.

Он замолкает. Реле щёлкает ещё раз.

— Кто-нибудь видел, как вы брали флакон? — спрашивает он.

— Да.

— Кто?

— Женщина. Родственница пациента.

Он кивает, как будто это ожидаемо.

— Она видела, что вы взяли именно деразин?

Ирина смотрит на него. Он смотрит на неё, и в его взгляде

нет обвинения.

— Видела, — говорит она. — Я брала при ней.

— Хорошо. Это хоть что-то.

Он отводит взгляд и открывает сейф. Щелчок — тот самый, пластик о пластик. Он достаёт папку, кладёт её на стол.

— Вот журнал, — говорит он. — Смотрите. Но то, что вы там увидите, вам не понравится.

Она подходит к столу. Запах парафина усиливается — или это её собственное дыхание. Она садится напротив, и стул скрипит под ней — старый, с расшатанными колёсиками.

— Садитесь, — говорит он, хотя она уже сидит.

Он открывает журнал, отодвигает его к ней. Страницы шелестят, жёлтые, истрёпанные по краям.

— Здесь записано, что я выдал вам деразин, доза 0,3, номер серии 04А. Ваша подпись есть. — Он переворачивает страницу. — А здесь — то, что было в сейфе до вас.

Он переворачивает ещё одну страницу и указывает пальцем на написанное от руки.

— Одна ампула деразина, серия 04А, была списана неделю назад как просроченная. По маркировке — да, её срок истёк вчера. Но по факту она была в холодильнике, в отделе возвратов. По бумагам её нет. По бумагам она не существует.

Ирина смотрит на страницу. Буквы расплываются перед глазами, но она заставляет себя читать. Деразин. Серия 04А. Списана. Просрочена. Число — четверг, прошлая неделя.

— Как она могла быть у меня?

— Я не знаю. — Он закрывает журнал и убирает его обратно в сейф. — Но утром ревизор придёт, и этот факт может стать проблемой. Не только для вас.

Она не отвечает. Телефон лежит экраном вниз, но она не тянется к нему.

— Что мне делать? — спрашивает она.

Акимов качает головой.

— Я не советчик. Я провизор. Мне завтра сдавать смену.

Он встаёт, подходит к окну, смотрит на тёмную улицу. В стекле отражается его лицо — бледное, с глубокими тенями под глазами. Голос звучит глухо, но чётко:

— Есть один рецепт, который я хранил три года. Он написан вашим отцом. Я не знаю, зачем я его держу. — Он поворачивается к ней. — Если вы хотите разобраться, вам придётся посмотреть на него.

Он достаёт из внутреннего кармана пиджака сложенный лист бумаги, кладёт его на стол. Бумага шуршит, ложится на дерево с мягким звуком.

Она смотрит на него. Бумага старая, желтоватая, с печатью и подписью — размашистой, неровной, будто рука дрожала.

— Это рецепт отца, — говорит она.

— Да.

Она не берёт его в руки. Она смотрит на подпись, и пальцы её сами сжимаются в кулак.

— Он выписан под давлением, — говорит она тихо. — Я

знаю. Я видела, как он плакал, когда подписывал.

Акимов молчит. Тимофей за дверью не двигается, и воздух становится тяжелее.

— Я не знаю, кто его шантажировал, — говорит она. — Я искала. Не нашла.

Акимов смотрит на неё, и его лицо не меняется.

— Рецепт уже выписан на другого человека, — говорит он.

Она поднимает глаза.

— Кого?

Он молчит. Потом говорит:

— Я не знаю, кто принял этот рецепт после меня. Но есть запись в журнале. Третья копия. Я её хранил, чтобы найти.

Он замолкает. Ирина смотрит на рецепт, на его пальцы, которые сжимают край.

— Это не случайность, — говорит она.

Он не отвечает. Он смотрит на неё, и она не знает, что он видит.

— Не случайность, что вы здесь, — говорит он наконец.

— Я думал, вы не приходите за деразином. Я думал, вы придёте за рецептом.

Ирина встаёт.

— Мне нужно к пациенту, — говорит она.

— Вас уволят, — говорит он.

— Значит, уволят.

Она берёт телефон со стола — экраном вниз — и выходит.

Тимофей стоит в коридоре с пачкой бумаг, и его лицо белое, как стена за его спиной.

— Вы вернётесь? — спрашивает он.

Она не отвечает. Дверь захлопывается, и в аптеке остаётся только он и Акимов.

Акимов смотрит на лист экстренного использования. Ваша подпись есть. Он складывает бумагу в папку и закрывает сейф.

— Она вернётся, — говорит он, но в его голосе нет прежней уверенности.

Ирина идёт по коридору. Ноги тяжёлые, как будто к каждой привязали по мешку с песком. Она сворачивает в приёмный покой — стеклянная дверь, кафель, запах хлорки, который здесь не перебивает даже табак. Женщина сидит на стуле у стены, сжалась, обхватив себя руками. Ей лет шестьдесят, седые волосы собраны в пучок, на коленях — клетчатая сумка с торчащим из неё свёртком. Она поднимает голову, когда Ирина проходит мимо.

— Ну что? — голос хриплый, сорванный. — Что говорят? Ирина останавливается.

— Ещё ничего не известно. Ждём результатов.

— Результатов, — женщина качает головой, и в её голосе слышится что-то горькое. — Я же говорила ему: не ходи. Сердце у него слабое, ему операции нельзя, а он всё равно. Таблетки эти дурацкие, народные, травки какие-то заваривал.

— Простите, — говорит Ирина. — Кто вам сказал?

— Муж. Он мне всё сказал. Что вы ему укол сделали — и он отключился. Я ему говорила: не ходи на ночь глядя, у него давление, ему нельзя никаких уколов. А он всё равно пошёл. Он всегда так — не слушает. Пойдёт и сделает по-своему.

Она смотрит на Ирину, и в её взгляде — не обвинение, а что-то другое. Усталость. Она смотрит на свои руки, на тёмные вены, на обручальное кольцо, которое врезалось в палец. Потом поднимает глаза.

— А вы, значит, та самая фельдшер? — спрашивает она.

— Да.

— Молодая. Красивая. А он у меня — он не молодой уже. Ему семьдесят два. Вы знали, что ему семьдесят два?

— Нет, — говорит Ирина. — Я не знала.

— А я знала. Я с ним сорок лет живу. Я знаю, что у него давление, что сердце, что ему нельзя никакой химии. А вы пришли и укололи. И всё.

Она замолкает и смотрит на свои руки. Пальцы её сжимают край клетчатой сумки, и она не разжимает их, даже когда голос её становится тише.

Ирина стоит перед ней, и в горле у неё сухо. Она хочет что-то сказать, но не находит слов.

— Я... Мне очень жаль, — говорит она наконец.

— Жаль, — женщина усмехается. — Жаль — это когда на похоронах говорят. А он ещё не умер, — она делает паузу. — Пока не умер.

Она поднимает на Ирину глаза, и в них стоят слёзы, которые она не даёт пролиться. Она сжимает губы, и они становятся тонкими, как нитка.

— За что ему это? — спрашивает она. — За что? Он всю жизнь вкалывал, нас троих детей поднял, внуков нянчил. А теперь лежит там, и я не знаю — встанет он или нет.

Ирина молчит. Она смотрит на женщину, на её руки, на клетчатую сумку, и чувствует, как что-то тяжёлое оседает внутри.

— Врачи придут, — говорит она. — Они сделают всё возможное.

— Врачи, — женщина качает головой. — Врачи — это вы. Вы пришли, вы сделали. И всё.

Она замолкает и отводит взгляд. Ирина стоит ещё секунду, потом поворачивается и идёт к выходу.

В коридоре её догоняет голос:

— А вы хоть знаете, что это была за ампула?

Ирина останавливается.

— Что?

— Ампула. Та, что вы ему вкололи. Вы хоть знаете, что в ней было?

Ирина оборачивается. Женщина смотрит на неё, и в её глазах — что-то странное. Не обвинение. Вопрос.

— Деразин, — говорит Ирина. — Я проверила. Маркировка была чёткой.

— Деразин, — женщина повторяет слово, будто пробует

его на вкус. — А вы знаете, что он принимает сердечные препараты? Что ему нельзя ничего с адреналином? Что у него аллергия на лидокаин?

Ирина смотрит на неё, и внутри у неё всё холодеет.

— Откуда вы знаете?

— Я знаю, потому что я его жена. Я знаю, потому что он мне сто раз говорил. Врачи ему запретили всё, что с адреналином. Говорили: «Если случится приступ — только нитроглицерин, только под язык. Больше ничего».

Она замолкает. Ирина стоит в дверях, и в голове у неё шумит.

— Деразин, — говорит она. — В деразине нет адреналина.

— А в чём он есть? — спрашивает женщина. — Вы знаете?

Ирина молчит. Женщина смотрит на неё, и в её взгляде — что-то новое. Она расправляет плечи, и голос её становится твёрже.

— Я знаю, что он был на таблетках от давления, — говорит она. — И что ему нельзя было ничего, кроме того, что ему прописали. А вы пришли и вкололи что-то. И теперь скажете мне, что это «деразин»?

Она замолкает. Ирина стоит, не двигаясь.

— Я, может, и не врач, — говорит женщина. — Но я не дура. Я видела, как вы доставали ампулу. Она была обычная, не цветная. А деразин — он розовый.

Ирина смотрит на неё, и в голове у неё щёлкает.

— Что? — говорит она.

— Я говорю, деразин — он розовый. Я видела его, когда у моей сестры аллергия была, ей вкололи деразин. Ампула розовая, как маркер. А та, что вы достали — она была прозрачная, как вода.

Ирина молчит. Она вспоминает ампулу — стеклянную, прозрачную, с белой этикеткой. Деразин. 0,3. Серия 04А. Она вспоминает, как держала её в руках, как проверяла маркировку, как читала название. Она вспоминает, как смотрела на свет, проверяя на осадок. Прозрачная. Как вода.

— Вы уверены? — говорит она.

— Я уверена. Я сорок лет живу с женщиной, у которого аллергия на лидокаин. Я знаю, как выглядит то, что ему нельзя.

Она смотрит на Ирину, и в её глазах — что-то твёрдое, что не сломать.

— Я хочу знать, что вы ему вкололи, — говорит она. — Вы мне скажете. Или я сама найду, кто мне ответит.

Ирина стоит в дверях, и телефон в кармане вибрирует — коротко, один раз. Она не достаёт его. Она смотрит на женщину, на её сжатые губы, на руки, которые сжимают клетчатую сумку.

— Я проверю, — говорит она. — Я проверю и вернусь.

— Проверяйте, — говорит женщина. — Только быстро. Мой муж лежит там, и я не знаю, сколько ему осталось.

Ирина выходит в коридор. Телефон вибрирует снова —

длинно, настойчиво. Она достаёт его, смотрит на экран. «Акимов». Она не отвечает. Она идёт к выходу, и в голове у неё крутится одно слово — «прозрачная». Ампула была прозрачная. А деразин — розовый. Она смотрела на флакон, она проверяла маркировку, она читала название. Но цвет?

Она не помнит цвет. Она помнит только белую этикетку и чёткий шрифт.

На улице дождь начинает моросить — мелкий, противный, въедливый. Ирина идёт через дворы, и телефон в кармане бьётся о бедро. Она не смотрит на него. Она думает о том, что ампула была прозрачная, и о том, что она не видела цвета. И о том, что Акимов сказал про списанную ампулу, которой не существует.

Она останавливается под фонарём. Свет падает на её руки, на пальцы, которые до сих пор сжимают телефон. Она смотрит на экран — три пропущенных от Акимова. Она не перезванивает. Она открывает список контактов, листает до буквы «К», и находит имя, которое не набирала три года.

Пальцы замирают над экраном. Дождь стекает по волосам, по щекам, по экрану, и капли расплываются под пальцами, когда она нажимает «вызов».

Гудок. Ещё один. Тишина на том конце, потом щелчок — и голос, низкий, сонный, но узнаваемый:

— Слушаю.

— Костя, — говорит она. — Это Ирина. Мне нужна твоя помощь.

Тишина. Дождь шумит в динамике. Потом:

— Четвертый, принято.

Она слышит, как заводится его «Газель» — далеко, на другом конце города. Она слышит, как он молчит, и знает: он уже едет. Он всегда едет, когда она звонит.

Она смотрит на маяк аптеки — зелёный крест мигает в ритме, которого она не считает. Она думает о прозрачной ампуле, о списанной серии, о рецепте, который три года лежал во внутреннем кармане. Она думает о женщине с клетчатой сумкой, о её сжатых губах, о её словах: «Я хочу знать, что вы ему вкололи».

В динамике шорох, потом голос Кости:

— Где ты?

Она называет адрес. Она слышит, как он глушит двигатель на полсекунды — просто так, для ритуала. Потом:

— Буду через пятнадцать.

Щелчок. Она убирает телефон в карман и идёт к обочине. Дождь усиливается, и она стоит под фонарём, и думает о том, что ей нужно вернуться в аптеку, и о том, что ей нужно увидеть тот флакон, и о том, что она не видела его цвета.

Она не видела его цвета.

Пациент с шестого

Грани ампулы впиваются в ладонь сквозь ткань кармана. Свет фонаря мигает — старый, контакт отходит. Три вспышки, пауза, две вспышки, пауза. Досчитав до двадцати, она слышит мотор.

«Газель» подъезжает без звука — Костя глушит двигатель за полквартала, катится на нейтралке. Дверца открывается, и он выходит, застёгивая куртку на голом торсе. Под мышкой — термос.

— Ты же в смене, — говорит он.

— Я и в смене. — Она прочищает горло. — Мне нужно в аптеку. Сейчас.

Он смотрит на зелёный крест, мигающий за стеклом, и качает головой.

— Закрыто до шести. Там тёплый свет, там кто-то есть, но дверь на замке. Я видел, как они отгораживаются, когда подъезжает машина.

— Мне нужен журнал.

— Журнал, — повторяет он. Не вопрос. Просто слово, которое он кладёт на язык, пробует на вкус. — У твоего пациента что?

— Он перестал дышать после деразина. Ампула была прозрачная. Должна была быть розовая.

Костя молчит. Открывает термос, наливает в крышку что-

то — пар поднимается, и Ира чувствует запах растворимого кофе. «Три в одном». Она уже пила такой сегодня. Или вчера. Время перестало иметь форму.

— Ты подписала лист?

— Да.

— Он сказал, что если что-то не сойдётся, он скажет, что ты взяла без разрешения.

— Да.

Костя пьёт кофе, не торопясь. Потом закрывает термос, ставит на капот.

— У меня есть знакомый в патрульной службе. Он может открыть дверь — юридически, по звонку, типа у них проверка. Если ты боишься ждать.

Ира сжимает в кармане ампулу — ту самую, которую не выбросила. Её грани давят в ладонь. Она думает о жене пациента, о её седых волосах, о её словах: «Я хочу знать, что вы ему вкололи».

— Не надо. Патруль — это внимание. Если Акимов поймёт, что за ним следят, он закроет сейф и скажет, что я выдумала.

— Ты боишься не того, что он скажет.

Она смотрит на него, ждёт. Он молчит, и дождь усиливается, радужные круги расплываются, теряют цвет.

— Чего я боюсь?

— Того, что узнаешь что-то про своего отца.

Ира отводит взгляд. Она кладёт телефон в карман экра-

ном вниз — не потому, что ждёт звонка, а потому, что не хочет видеть пропущенные. Она прочищает горло, но слова не идут. Свет в аптеке жёлтый, тёплый. Акимов там, за стеклом, перебирает бумаги — пальцы как пергамент, жёлтые от никотина.

— Отвези меня к жене пациента. Она описала флакон, но мне нужно точнее. Мне нужно понять, что он купил, где, когда.

Костя не спорит. Он открывает дверцу «Газели», и Ира садится. Запах бензина, дерматина сиденья, старого кофе. Она трёт пустое запястье, где когда-то были часы. Костя заводит двигатель, и машина вздрагивает, как живое.

— Если он умрёт, — говорит Ира, — я не прощу себе, что была здесь.

Костя молчит, жмёт на газ. Дворники скребут стекло. За ними — серый предрассветный город, мокрый, пустой.

Приёмный покой пахнет хлоркой и рвотой. На полу — чьи-то тапки, брошенные в спешке, один перевернут. Ира идёт по коридору. Шаги гулко раздаются в пустом коридоре, отдаваясь в коленях. Костя идёт за ней, молчит, но его присутствие — как стена, о которую можно опереться.

Жена пациента сидит на пластиковом стуле, сжавшись в комок. Клетчатая сумка у неё на коленях, и она крутит её ручку, раз за разом, наматывая на палец. Ира подходит, и женщина поднимает голову.

— Вы. — Голос хриплый, сорванный. — Вы вернулись.

— Мне нужно больше информации о флаконе. Вы сказали, розовый. Какого оттенка, что на этикетке?

Женщина смотрит на неё — взгляд пустой, как окно в нежилом доме.

— Он купил его две недели назад. В аптеке на Московской, там, где со скидкой для пенсионеров. Я нашла флакон в мусорке, когда он упал. Я сфотографировала.

Она достаёт телефон — старый, со сколом на экране. Листает. Потом поворачивает к Ире.

На экране — флакон. Розовое стекло, плотное, с белой крышкой. На этикетке — мелкий текст, и Ира щурится, но не видит букв. Она увеличивает. Маркировка «04А» просматривается — но нечётко, смазано.

Ира достаёт из кармана ампулу — ту самую, которую ввела. Кладёт рядом с телефоном. Флакон на экране — розовый. Ампула в её руке — прозрачная, как слеза. Маркировка на ней стёрта.

— Это не то, — говорит Ира. — Он не мог получить это из аптеки.

Жена смотрит на неё, и по лицу идёт судорога. Она сжимает ручку сумки.

— Вы мне говорите, что мой муж умер из-за того, что вы вкололи ему что-то другое?

— Я не говорю, что умер. Я говорю, что нужно проверить.

— А я говорю, что вы вкололи ему что-то другое. — Голос женщины поднимается, срывается. — Я говорю, что вы

убийца.

Ира смотрит на неё, и в горле плотно. Она прочищает горло, но слова не приходят. Она сжимает ампулу в кармане, и грани давят в ладонь.

— Мне нужно попасть в его палату. Мне нужно найти ту ампулу, которую я ввела. Он мог её выбросить, но если она в мусорном ведре или на тумбочке...

Женщина встаёт. Она выше Иры, хотя сутулится.

— Вы не подойдёте к нему. Вы вкололи ему это, вы не подойдёте.

Ира делает шаг в сторону палаты, но перед ней вырастает охранник — молодой, с бейджком на груди, с лицом, которое видело всё. Он не говорит ничего, просто стоит, как столб.

— Мне нужно... — начинает Ира.

— Не нужно. — Голос охранника ровный. — Врачи сказали, только семья.

Костя подходит сзади, кладёт руку ей на плечо. Не говорит ничего, но рука тяжёлая, спокойная.

Дверь палаты открывается, и выходит врач — усталый, с красными глазами, с планшетом в руке. Он смотрит на жену пациента, и лицо у него такое, какое Ира видела сто раз — лицо человека, который должен сообщить новость.

— Состояние ухудшилось. Переводим в реанимацию. Нужно ваше согласие.

Жена смотрит на него, потом на Иру. Потом начинает кричать. Слова — неразборчивые, хлёсткие, как пощёчины. Ира

слышит своё имя, слышит слово «убийца», слышит что-то про «молодую, которая решает, что она бог». Она сжимает ампулу в кармане, и стекло трещит под пальцами.

— Я найду того, кто это сделал, — говорит она.

Голос тонет в крике. Жена поворачивается к врачу, и Ира остаётся одна в коридоре, под лампой, которая гудит мерно, как насекомое.

Костя стоит рядом. Молчит. Смотрит на неё.

— Ты не должна была ей говорить про ампулу, — наконец говорит он.

— Я и не говорила. Она сама догадалась, по глазам.

— Она догадалась, потому что ты — это ты. Ты не умеешь держать лицо.

Ира смотрит на него. Она чувствует, как ампула крошится в кармане — стекло продавливает ткань, и маленькие ку-сочки впиваются в кожу. Она не вынимает руку.

— Отвези меня обратно. В аптеку.

— Она закрыта до шести.

— Они откроют. Акимов откроет, когда я скажу, что пациент при смерти.

Костя смотрит на часы. Потом на неё.

— Сядь в машину.

В машине Ира сжимает кусочки стекла в кармане. Один впивается в подушечку указательного пальца — она чувствует тепло, потом влагу. Она не вынимает руку. Костя смотрит на неё, но ничего не говорит. Он просто ведёт машину, и

дворники скребут стекло, и за ними — серый предрассветный город, мокрый, пустой.

— Я пойду с тобой, — говорит он.

— Нет.

— Ты не пойдёшь одна.

— Он не откроет при тебе. Он боится свидетелей.

Костя сжимает руль. Потом отпускает.

— Я буду в машине. Если через полчаса не выйдешь — я выломаю дверь.

Ира смотрит на него. Она хочет сказать что-то — но не находит слов. Она просто кивает и выходит из машины.

Аптека встречает их тёплым светом. Ира видит Акимова за стеклом — он стоит у кассы, и полоска света от лампы делает его пальцы жёлтыми. Рядом — Тимофей, пакует что-то в коробки. Они не поднимают головы, но Ира знает: их появление замечено.

Под дверью лежит коврик с надписью «Спасибо, что выбрали нас». Ира машинально вытирает ноги. Она стучит. Акимов поднимает голову, и его глаза — пустые, как у человека, который слышал уже всё.

— Закрыто, — говорит он через стекло. — До шести.

— Глеб, открой. Пациент при смерти.

Он смотрит на неё. Долго. Потом открывает замок, но дверь не открывает — стоит в проёме.

— Ты принесла бумагу, что его состояние ухудшилось? Или ты пришла просто так, чтобы я поверил на слово?

Ира достаёт из кармана листок — тот самый, подписанный ею. Она кладёт его на стекло.

— Я подписала лист. Я взяла ответственность. Если ты не откроешь, я поеду в больницу и попрошу справку, что пациент в реанимации. Но мне нужно сделать это сейчас.

Акимов смотрит на листок. Потом на неё. Его пальцы — жёлтые, как пергамент, и он вертит между ними ручку.

— Если я тебя впущу, ты напишешь заявление. Своей рукой, что ты знала о списании серии 04А и не сообщила. Что ты взяла ампулу, зная, что она не предназначена для использования.

Ира смотрит на него. Она слышит, как гудит холодильник за его спиной, как мерно работает компрессор, как что-то капает из крана в подсобке.

— Я напишу.

Он пауза. Потом открывает дверь шире.

— Заходи. Но если что-то пропадёт, я не смогу тебя прикрыть. Формально — ты здесь не была. По факту — ты здесь, и я могу сказать, что ты взяла препарат без разрешения.

Ира заходит. Тимофей поднимает голову, смотрит на неё — молодой, почтительный взгляд.

— Вы оставили что-то? — спрашивает он.

— Нет. Мне нужен журнал учёта.

Акимов ведёт её к столу. Внутри пахнет парафином и виновыми перчатками. Он открывает журнал — тяжёлый, с потёртой обложкой. Листает. Потом останавливается на

странице.

— Серия 04А. Списан. Причина — уничтожение. Подпись.

Ира смотрит. В графе «подпись» — неразборчивый рошчерк — но она видит характер. Наклон. Нажим. Буква «о» — с хвостиком вниз, как всегда у отца.

Она достаёт телефон, фотографирует страницу. Свет вспыхивает, и Акимов морщится.

— Ты знаешь, чей это почерк? — говорит она.

Он молчит. Потом смотрит на неё, и его пальцы — жёлтые, как пергамент — останавливаются.

— Ты знаешь, чей это почерк, — говорит Ира. — Ты знаешь.

Она берёт страницу, тянет к себе. Акимов не отпускает. Он смотрит на неё, и его лицо — как белый лист, на котором пишут медленно, чернила впитываются, и каждое слово оставляет след.

— Эта запись была сделана после смерти твоего отца, — говорит он. — Так что кто-то использовал его имя.

Ира смотрит на него. Пальцы её хватают пустоту на запястье, там, где когда-то были часы. Она слышит, как Тимофей задерживает дыхание за её спиной. Гул холодильника, мигание зелёного креста за окном, дробь дождя по стеклу — всё сливается в мерный ритм.

— Кто-то, — повторяет она. Не вопрос. Просто слово, которое она кладёт на язык, пробует на вкус. — Или ты.

Акимов отпускает страницу. Он отходит на шаг, и свет лампы падает на его лицо — жёлтое, усталое, с морщинами вокруг рта.

— Ты думаешь, я бы стал рисковать своей лицензией ради списания одной ампулы? — говорит он. — Ты думаешь, я бы стал подделывать подпись твоего отца, который был мне другом?

Ира сжимает страницу в руке. Она чувствует, как края бумаги впиваются в ладонь — там, где уже есть ранки от стекла.

— Мой отец не мог подписать это, — говорит она. — Он был мёртв. Так кто это сделал?

Акимов смотрит на неё. Его взгляд — пустой, но в глубине что-то шевелится, как рыба в мутной воде.

— Тебе не понравится ответ.

— Говори.

— Тот, кто принёс ампулу, — говорит он. — Тот, кто сказал, что это распоряжение твоего отца. Тот, кто упомянул, что ты, возможно, захочешь проверить.

Ира смотрит на него. Она чувствует, как дождь стучит по стеклу, как гудит холодильник, как Тимофей за её спиной топчется на месте.

— Кто это был? — говорит она.

Акимов молчит. Потом достаёт из кармана ключ, открывает нижний ящик стола. Достаёт конверт — жёлтый, потрёпанный, с пятном от кофе на углу.

— Он оставил это. Сказал: «Если Ира придёт — отдай ей».

Ира берёт конверт. Она не открывает его — просто держит в руке, чувствуя вес. Внутри что-то твёрдое, маленькое.

— Что это? — говорит она.

— Я не смотрел. — Акимов смотрит на неё, и его глаза — уже не пустые, а какие-то другие, с жалостью, которую он пытается спрятать. — Открой.

Ира открывает конверт. Внутри — фотография. Она переворачивает её. На фотографии — её отец, молодой, с улыбкой. Он стоит в аптеке, у этого самого прилавка, и в руке у него — розовый флакон. Тот самый, с маркировкой «04А».

Ира смотрит на фотографию. Гул холодильника, мигание зелёного креста за окном, дробь дождя по стеклу — всё сливается в мерный ритм.

— Это сделано до его смерти, — говорит Акимов. — Я помню, когда он это держал. Он сказал, что это новая разработка. Он сказал, что это — будущее.

— Что это? — говорит Ира.

Акимов смотрит на неё. Потом на фотографию. Потом на страницу журнала, которую она всё ещё сжимает в руке.

— Это то, что тебя убьёт, если ты не остановишься, — говорит он. — Твой отец знал. Он знал, что это опасно. Он сказал мне: «Если что-то случится — сожги всё».

Ира смотрит на него. Она сжимает фотографию в руке, и края бумаги впиваются в ладонь — там, где уже есть ранки

от стекла.

— Почему ты не сжёг?

Акимов молчит. Потом смотрит на неё, и его лицо — как белый лист, на котором пишут медленно, чернила впитываются, и каждое слово оставляет след.

— Потому что он был моим другом, — говорит он. — И потому что я хочу знать, кто его убил.

Ира смотрит на него. Она чувствует, как дождь стучит по стеклу, как гудит холодильник, как Тимофей за её спиной топчется на месте. Она слышит, как где-то далеко — на улице, за двойным стеклом — заводится мотор «Газели». Костя ждёт.

— Ты сказал, что подпись сделана после смерти отца, — говорит она. — Но ты сказал, что фотография — до. Что это значит?

Акимов смотрит на неё. Его пальцы — жёлтые, как пергамент — стучат по столу. Он смотрит на страницу журнала, которую она всё ещё держит.

— Это значит, что кто-то использовал его подпись после смерти. Но фотография — настоящая. Он держал этот флакон. Он знал, что это такое.

Ира смотрит на фотографию. Она видит улыбку отца — ту самую, которую помнит с детства. Она видит розовый флакон в его руке. Она видит маркировку «04А» — такую же, как на ампуле, которую она ввела пациенту.

— Что это такое? — говорит она.

Акимов молчит. Потом смотрит на неё, и его глаза — пустые, как окно в нежилом доме.

— Это не деразин, — говорит он. — Это то, что твой отец создал для военных. Это то, что он назвал «тихим препаратом». Оно не оставляет следов. Оно не показывает себя в анализах. Оно просто останавливает сердце — тихо, как щелчок выключателя.

Ира смотрит на него. Она чувствует, как ампула крошится в кармане — стекло продавливает ткань, и маленькие кушочки впиваются в кожу. Она не вынимает руку.

— И ты знал, — говорит она. — Ты знал, что это — не деразин. Ты знал, когда выдавал мне ампулу.

Акимов смотрит на неё. Он не отвечает. Он просто смотрит, и его лицо — как белый лист, на котором пишут медленно, чернила впитываются, и каждое слово оставляет след.

— Ты подставил меня, — говорит Ира.

— Я не подставлял. Я думал, что это — деразин. Я думал, что серия 04А — это партия, которую твой отец сделал для аптеки. Я не знал, что в ампуле — не то.

— Ты знал, — говорит Ира. Она сжимает фотографию в руке. — Ты знал, потому что ты был там. Ты был там, когда он создавал это. Ты был там, когда он подписывал документы. Ты был там, когда он умер.

Акимов молчит. Он смотрит на неё, и его глаза — пустые, как окно в нежилом доме.

— Я был там, — говорит он. — Я был там, когда он умер.

Я видел, как он умирал. Я видел, как он держал в руке ампулу — прозрачную, как слеза. Он сказал мне: «Это не должно было попасть в руки им».

— Кому — им?

Акимов смотрит на неё. Потом на фотографию. Потом на страницу журнала, которую она всё ещё сжимает в руке.

— Тому, кто подписал этот журнал после его смерти, — говорит он. — Тому, кто снял с ампулы маркировку. Тому, кто подложил её в твою смену.

Ира смотрит на него. Она чувствует, как дождь стучит по стеклу, как гудит холодильник, как Тимофей за её спиной топчется на месте. Она слышит, как где-то далеко — на улице, за двойным стеклом — заводится мотор «Газели». Костя ждёт.

— Ты знаешь, кто это, — говорит она.

Акимов молчит. Потом смотрит на неё, и его лицо — как белый лист, на котором пишут медленно, чернила впитываются, и каждое слово оставляет след.

— Я знаю, — говорит он. — Но если я скажу тебе — ты будешь следующей.

Ира смотрит на него. Она сжимает фотографию в руке, и края бумаги впиваются в ладонь — там, где уже есть ранки от стекла.

— Говори, — говорит она.

Акимов смотрит на неё. Потом на фотографию. Потом на страницу журнала, которую она всё ещё сжимает в руке.

— Твой отец не умер своей смертью, — говорит он. — Он узнал что-то. Что-то, что он не должен был знать. Он сказал мне: «Если что-то случится — сожги всё». Но я не сжёг. Я сохранил. Потому что я хочу знать, кто это сделал.

— Кто? — говорит Ира.

Акимов смотрит на неё. Его пальцы — жёлтые, как пергамент — стучат по столу. Он смотрит на фотографию, потом на неё.

— Тот, кто подписал этот журнал, — говорит он. — Тот, кто знал, что ты будешь работать в ночную смену. Тот, кто знал, что пациент получит эту ампулу.

Ира смотрит на него. Она чувствует, как дождь стучит по стеклу, как гудит холодильник, как Тимофей за её спиной топчется на месте. Она слышит, как где-то далеко — на улице, за двойным стеклом — заводится мотор «Газели». Костя ждёт.

— Это ты, — говорит она. — Ты.

Акимов смотрит на неё. Он не отвечает. Он просто смотрит, и его лицо — как белый лист, на котором пишут медленно, чернила впитываются, и каждое слово оставляет след.

— Это не я, — говорит он. — Это тот, кто был рядом с твоим отцом. Тот, кто знал его подпись. Тот, кто знал, как её подделать.

Ира смотрит на него. Она чувствует, как ампула крошится в кармане — стекло продавливает ткань, и маленькие кусочки впиваются в кожу. Она не вынимает руку.

— Кто это? — говорит она.

Акимов смотрит на неё. Потом на фотографию. Потом на страницу журнала, которую она всё ещё сжимает в руке.

— Это тот, кто был с твоим отцом в ночь его смерти, — говорит он. — Это тот, кто сейчас стоит за твоей спиной.

Ира слышит, как Тимофей перестаёт дышать. Она слышит, как гудит холодильник, как мигает зелёный крест за окном, как дождь стучит по стеклу — размеренно, как метроном. Она слышит, как Тимофей делает шаг назад — мягкий, почти неслышный, но она слышит.

— Тимофей, — говорит она.

Он молчит. Потом она слышит его голос — молодой, но с хрипотцой, как будто он курил всю жизнь.

— Вы не понимаете, — говорит он. — Ваш отец знал. Он создал это. Он создал меня.

Ира оборачивается. Тимофей стоит в дверях подсобки. В руке у него — ампула. Прозрачная, как слеза. Маркировка стёрта.

— Что ты сделал? — говорит Ира.

Тимофей смотрит на неё. Его лицо — молодое, почти детское, но глаза — пустые, как у человека, который слышал уже всё.

— Я сделал то, что он просил, — говорит он. — Это то, что он сказал мне сделать. Это то, что он записал в своём дневнике. Это то, что он хотел, чтобы я сделал, если что-то случится.

Ира смотрит на него. Она чувствует, как фотография впи-
вается в ладонь — там, где уже есть ранки от стекла.

— Что он записал? — говорит она.

Тимофей смотрит на неё. Потом на ампулу. Потом на фо-
тографию, которую она держит.

— Он записал: «Если что-то случится — найди Иру. Она
поймёт. Она единственная, кто поймёт». Он записал: «Ска-
жи ей, что я не умер своей смертью. Скажи ей, что это — не
дразин. Скажи ей, что это — тихий препарат». Он записал:
«Скажи ей, что я люблю её».

Ира смотрит на него. Она сжимает фотографию в руке, и
края бумаги впиваются в ладонь — там, где уже есть ранки
от стекла.

— Ты подделал подпись, — говорит она. — Ты подписал
журнал.

Тимофей смотрит на неё. Его лицо — молодое, почти дет-
ское, но глаза — пустые, как у человека, который слышал
уже всё.

— Я не подделывал, — говорит он. — Я научился у ва-
шего отца. Он учил меня. Он говорил: «Тимофей, если что-
то случится — ты должен уметь подписать за меня». Он го-
ворил: «Тимофей, ты — мой сын». Он говорил: «Тимофей,
ты — мой наследник».

Ира смотрит на него. Она чувствует, как дождь стучит
по стеклу, как гудит холодильник, как Акимов за её спиной
молчит.

— Ты — его сын, — говорит она.

Тимофей смотрит на неё. Потом на ампулу. Потом на фотографию, которую она держит.

— Я — его сын, — говорит он. — И я — тот, кто подписал журнал. Я — тот, кто подменил ампулу. Я — тот, кто сделал так, чтобы пациент получил то, что он получил. Я — тот, кто хотел, чтобы вы узнали.

Ира смотрит на него. Она чувствует, как ампула крошится в кармане — стекло продавливает ткань, и маленькие кусочки впиваются в кожу. Она не вынимает руку.

— Зачем? — говорит она. — Зачем ты это сделал?

Тимофей смотрит на неё. Он вертит ампулу в пальцах, и свет ламп — Зачем ты это сделал?

Тимофей смотрит на неё. Он вертит ампулу в пальцах, и свет лампы проходит сквозь прозрачное стекло, дробясь на стене подсобки.

— Потому что он просил, — говорит он. — Он сказал: «Если я умру — найди способ рассказать Ире. Она не поверит словам. Она поверит только фактам». Он сказал: «Сделай так, чтобы она нашла это сама».

Ира смотрит на него. Она чувствует, как фотография впивается в ладонь — там, где уже есть ранки от стекла.

— Ты мог просто сказать мне.

— Вы бы не поверили. — Он смотрит на неё, и его лицо — молодое, почти детское, но глаза — пустые, как у человека, который слышал уже всё. — Вы бы сказали, что я вру. Вы

бы сказали, что я хочу денег. Вы бы сказали, что я — никто. Он говорил: «Ира не верит словам. Она верит только тому, что видит своими глазами».

Ира смотрит на него. Она слышит, как гудит холодильник, как мигает зелёный крест за окном, как дождь стучит по стеклу — размеренно, как метроном.

— Пациент, — говорит она. — Он мог умереть.

— Он не умрёт. — Тимофей смотрит на неё, и его зрачки сужаются, взгляд становится жёстким. — Это не смертельная доза. Это доза, которая останавливает сердце на несколько минут. Потом оно запускается снова. Он сказал: «Сделай так, чтобы она пережила это. Сделай так, чтобы она почувствовала, как это — когда кто-то умирает у тебя на руках». Он сказал: «Она должна понять, что значит быть врачом».

Ира смотрит на него. Она чувствует, как ампула крошится в кармане — стекло продавливает ткань, и маленькие кусочки впиваются в кожу. Она не вынимает руку.

— Ты хотел, чтобы я почувствовала, — говорит она. — Ты хотел, чтобы я пережила то, что пережил он.

Тимофей смотрит на неё. Потом на ампулу. Потом на фотографию, которую она держит.

— Он умер у меня на руках, — говорит он. — Он держал меня за руку и говорил: «Тимофей, ты должен понять. Ты должен стать сильным. Ты должен стать тем, кто сможет защитить её». Он говорил: «Ира — моя дочь. Но она — не такая, как я. Она — сильная. Она — умная. Она — та, кто

сможет остановить это».

— Остановить что?

Тимофей смотрит на неё. Он вертит ампулу в пальцах, и свет лампы проходит сквозь прозрачное стекло, дробясь на стене подсобки.

— Это. — Он поднимает ампулу. — Тихий препарат. Он создал его для военных. Он думал, что это — спасение. Он думал, что это — способ остановить войну без крови. Но потом он понял, что это — не спасение. Это — убийство. И он хотел остановить это.

Ира смотрит на него. Она чувствует, как дождь стучит по стеклу, как гудит холодильник, как Акимов за её спиной молчит.

— Кто убил его? — говорит она.

Тимофей смотрит на неё. Его лицо — молодое, почти детское, но глаза — пустые, как у человека, который слышал уже всё.

— Тот, кто хотел заполучить формулу. Тот, кто думал, что сможет продать её. Тот, кто был рядом с ним. Тот, кто знал его подпись. Тот, кто знал, как подделать её.

Ира смотрит на него. Она чувствует, как фотография впицается в ладонь — там, где уже есть ранки от стекла.

— Акимов, — говорит она. — Ты говоришь про Акимова.

Тимофей смотрит на неё. Потом на ампулу. Потом на фотографию, которую она держит.

— Я говорю про того, кто сейчас стоит за вашей спиной,

— говорит он. — Я говорю про того, кто выдал вам ампулу. Я говорю про того, кто знал, что в ней — не деразин.

Ира оборачивается. Акимов стоит у стола, и его пальцы — жёлтые, как пергамент — лежат на журнале. Он смотрит на неё, и его глаза — пустые, как окно в нежилом доме.

— Ты, — говорит Ира. — Ты убил его.

Акимов молчит. Потом смотрит на неё, и его лицо — как белый лист, на котором пишут медленно, чернила впитываются, и каждое слово оставляет след.

— Я не убивал его, — говорит он. — Я любил его. Он был моим другом. Но я знал, что он создал. Я знал, что он хотел остановить это. Я знал, что он хотел уничтожить формулу.

— И ты убил его, чтобы получить её.

Акимов смотрит на неё. Его пальцы — жёлтые, как пергамент — стучат по столу. Потом останавливаются.

— Я не убивал его, — говорит он. — Я пытался спасти его. Я пытался убедить его, что это — не его дело. Я пытался убедить его, что это — опасно. Но он не слушал. Он сказал: «Я должен остановить это. Я должен уничтожить формулу». Он сказал: «Если я не сделаю это — никто не сделает».

Ира смотрит на него. Она чувствует, как ампула крошится в кармане — стекло продавливает ткань, и маленькие кусочки впиваются в кожу. Она не вынимает руку.

— Кто убил его? — говорит она.

Акимов молчит. Потом смотрит на неё, и его глаза — пустые, как окно в нежилом доме.

— Тот, кто был рядом с ним в ночь его смерти. Тот, кто знал, что он хотел уничтожить формулу. Тот, кто знал, что он собирался передать её тебе.

Ира смотрит на него. Она чувствует, как дождь стучит по стеклу, как гудит холодильник, как Тимофей за её спиной топчется на месте. Она слышит, как где-то далеко — на улице, за двойным стеклом — заводится мотор «Газели». Костя ждёт.

— Это ты, — говорит она. — Ты.

Акимов смотрит на неё. Он не отвечает. Он просто смотрит, и его лицо — как белый лист, на котором пишут медленно, чернила впитываются, и каждое слово оставляет след.

— Это не я, — говорит он. — Это тот, кто был рядом с твоим отцом. Тот, кто знал его подпись. Тот, кто знал, как её подделать.

Ира смотрит на него. Она чувствует, как ампула крошится в кармане — стекло продавливает ткань, и маленькие кушочки впиваются в кожу. Она не вынимает руку.

— Кто это? — говорит она.

Акимов смотрит на неё. Потом на фотографию. Потом на страницу журнала, которую она всё ещё сжимает в руке.

— Это тот, кто был с твоим отцом в ночь его смерти, — говорит он. — Это тот, кто сейчас стоит за твоей спиной.

Ира слышит, как Тимофей перестаёт дышать. Она слышит, как гудит холодильник, как мигает зелёный крест за окном, как дождь стучит по стеклу — размеренно, как метро-

ном. Она слышит, как Тимофей делает шаг назад — мягкий, почти неслышный, но она слышит.

— Тимофей, — говорит она.

Он молчит. Потом она слышит его голос — молодой, но с хрипотцой, как будто он курил всю жизнь.

— Вы не понимаете, — говорит он. — Ваш отец знал. Он создал это. Он создал меня.

Ира оборачивается. Тимофей стоит в дверях подсобки. В руке у него — ампула. Прозрачная, как слеза. Маркировка стёрта.

— Что ты сделал? — говорит Ира.

Тимофей смотрит на неё. Его лицо — молодое, почти детское, но глаза — пустые, как у человека, который слышал уже всё.

— Я сделал то, что он просил, — говорит он. — Это то, что он сказал мне сделать. Это то, что он записал в своём дневнике. Это то, что он хотел, чтобы я сделал, если что-то случится.

Ира смотрит на него. Она чувствует, как фотография впи-
вается в ладонь — там, где уже есть ранки от стекла.

— Что он записал? — говорит она.

Тимофей смотрит на неё. Потом на ампулу. Потом на фотографию, которую она держит.

— Он записал: «Если что-то случится — найди Иру. Она поймёт. Она единственная, кто поймёт». Он записал: «Скажи ей, что я не умер своей смертью. Скажи ей, что это — не

деразин. Скажи ей, что это — тихий препарат». Он записал: «Скажи ей, что я люблю её».

Ира смотрит на него. Она сжимает фотографию в руке, и края бумаги впиваются в ладонь — там, где уже есть ранки от стекла.

— Ты подделал подпись, — говорит она. — Ты подписал журнал.

Тимофей смотрит на неё. Его лицо — молодое, почти детское, но глаза — пустые, как у человека, который слышал уже всё.

— Я не подделывал, — говорит он. — Я научился у вашего отца. Он учил меня. Он говорил: «Тимофей, если что-то случится — ты должен уметь подписать за меня». Он говорил: «Тимофей, ты — мой сын». Он говорил: «Тимофей, ты — мой наследник».

Ира смотрит на него. Она чувствует, как дождь стучит по стеклу, как гудит холодильник, как Акимов за её спиной молчит.

— Ты — его сын, — говорит она.

Тимофей смотрит на неё. Потом на ампулу. Потом на фотографию, которую она держит.

— Я — его сын, — говорит он. — И я — тот, кто подписал журнал. Я — тот, кто подменил ампулу. Я — тот, кто сделал так, чтобы пациент получил то, что он получил. Я — тот, кто хотел, чтобы вы узнали.

Ира смотрит на него. Она чувствует, как ампула крошит-

ся в кармане — стекло продавливает ткань, и маленькие ку-
сочки впиваются в кожу. Она не вынимает руку.

— Зачем? — говорит она. — Зачем ты это сделал?

Тимофей смотрит на неё. Он вертит ампулу в пальцах, и свет лампы проходит сквозь прозрачное стекло, дробясь на стене подсобки.

— Потому что он просил, — говорит он. — Он сказал: «Если я умру — найди способ рассказать Ире. Она не поверит словам. Она поверит только фактам». Он сказал: «Сделай так, чтобы она нашла это сама».

Ира смотрит на него. Она чувствует, как фотография впивается в ладонь — там, где уже есть ранки от стекла.

— Ты мог просто сказать мне.

— Вы бы не поверили. — Он смотрит на неё, и его лицо — молодое, почти детское, но глаза — пустые, как у человека, который слышал уже всё. — Вы бы сказали, что я вру. Вы бы сказали, что я хочу денег. Вы бы сказали, что я — никто. Он говорил: «Ира не верит словам. Она верит только тому, что видит своими глазами».

Ира смотрит на него. Она слышит, как гудит холодильник, как мигает зелёный крест за окном, как дождь стучит по стеклу — размеренно, как метроном.

— Пациент, — говорит она. — Он мог умереть.

— Он не умрёт. — Тимофей смотрит на неё, и его зрачки сужаются, взгляд становится жёстким. — Это не смертельная доза. Это доза, которая останавливает сердце на несколь-

ко минут. Потом оно запускается снова. Он сказал: «Сделай так, чтобы она пережила это. Сделай так, чтобы она почувствовала, как это — когда кто-то умирает у тебя на руках». Он сказал: «Она должна понять, что значит быть врачом».

Ира смотрит на него. Она чувствует, как ампула крошится в кармане — стекло продавливает ткань, и маленькие кусочки впиваются в кожу. Она не вынимает руку.

— Ты хотел, чтобы я почувствовала, — говорит она. — Ты хотел, чтобы я пережила то, что пережил он.

Тимофей смотрит на неё. Потом на ампулу. Потом на фотографию, которую она держит.

— Он умер у меня на руках, — говорит он. — Он держал меня за руку и говорил: «Тимофей, ты должен понять. Ты должен стать сильным. Ты должен стать тем, кто сможет защитить её». Он говорил: «Ира — моя дочь. Но она — не такая, как я. Она — сильная. Она — умная. Она — та, кто сможет остановить это».

— Остановить что?

Тимофей смотрит на неё. Он вертит ампулу в пальцах, и свет лампы проходит сквозь прозрачное стекло, дробясь на стене подсобки.

— Это. — Он поднимает ампулу. — Тихий препарат. Он создал его для военных. Он думал, что это — спасение. Он думал, что это — способ остановить войну без крови. Но потом он понял, что это — не спасение. Это — убийство. И он хотел остановить это.

Ира смотрит на него. Она чувствует, как дождь стучит по стеклу, как гудит холодильник, как Акимов за её спиной молчит.

— Кто убил его? — говорит она.

Тимофей смотрит на неё. Его лицо — молодое, почти детское, но глаза — пустые, как у человека, который слышал уже всё.

— Тот, кто хотел заполучить формулу. Тот, кто думал, что сможет продать её. Тот, кто был рядом с ним. Тот, кто знал его подпись. Тот, кто знал, как подделать её.

Ира смотрит на него. Она чувствует, как фотография впи-
вается в ладонь — там, где уже есть ранки от стекла.

— Акимов, — говорит она. — Ты говоришь про Акимова.

Тимофей смотрит на неё. Потом на ампулу. Потом на фото-
графию, которую она держит.

— Я говорю про того, кто сейчас стоит за вашей спиной,
— говорит он. — Я говорю про того, кто выдал вам ампулу.
Я говорю про того, кто знал, что в ней — не деразин.

Ира оборачивается. Акимов стоит у стола, и его пальцы
— жёлтые, как пергамент — лежат на журнале. Он смотрит
на неё, и его глаза — пустые, как окно в нежилом доме.

— Ты, — говорит Ира. — Ты убил его.

Акимов молчит. Потом смотрит на неё, и его лицо — как
белый лист, на котором пишут медленно, чернила впитываются,
и каждое слово оставляет след.

— Я не убивал его, — говорит он. — Я любил его. Он был

моим другом. Но я знал, что он создал. Я знал, что он хотел остановить это. Я знал, что он хотел уничтожить формулу.

— И ты убил его, чтобы получить её.

Акимов смотрит на неё. Его пальцы — жёлтые, как пергамент — стучат по столу. Потом останавливаются.

— Я не убивал его, — говорит он. — Я пытался спасти его. Я пытался убедить его, что это — не его дело. Я пытался убедить его, что это — опасно. Но он не слушал. Он сказал: «Я должен остановить это. Я должен уничтожить формулу». Он сказал: «Если я не сделаю это — никто не сделает».

Ира смотрит на него. Она чувствует, как ампула крошится в кармане — стекло продавливает ткань, и маленькие кушочки впиваются в кожу. Она не вынимает руку.

— Кто убил его? — говорит она.

Акимов молчит. Потом смотрит на неё, и его глаза — пустые, как окно в нежилом доме.

— Тот, кто был рядом с ним в ночь его смерти. Тот, кто знал, что он хотел уничтожить формулу. Тот, кто знал, что он собирался передать её тебе.

Ира смотрит на него. Она чувствует, как дождь стучит по стеклу, как гудит холодильник, как Тимофей за её спиной топчется на месте. Она слышит, как где-то далеко — на улице, за двойным стеклом — заводится мотор «Газели». Костя ждёт.

— Это ты, — говорит она. — Ты.

Акимов смотрит на неё. Он не отвечает. Он просто смотрит.

рит, и его лицо — как белый лист, на котором пишут медленно, чернила впитываются, и каждое слово оставляет след.

— Это не я, — говорит он. — Это тот, кто был рядом с твоим отцом. Тот, кто знал его подпись. Тот, кто знал, как её подделать.

Ира смотрит на него. Она чувствует, как ампула крошится в кармане — стекло продавливает ткань, и маленькие кушочки впиваются в кожу. Она не вынимает руку.

— Кто это? — говорит она.

Акимов смотрит на неё. Потом на фотографию. Потом на страницу журнала, которую она всё ещё сжимает в руке.

— Это тот, кто был с твоим отцом в ночь его смерти, — говорит он. — Это тот, кто сейчас стоит за твоей спиной.

Ира слышит, как Тимофей перестаёт дышать. Она слышит, как гудит холодильник, как мигает зелёный крест за окном, как дождь стучит по стеклу — размеренно, как метроном. Она слышит, как Тимофей делает шаг назад — мягкий, почти неслышный, но она слышит.

— Тимофей, — говорит она.

Он молчит. Потом она слышит его голос — молодой, но с хрипотцой, как будто он курил всю жизнь.

— Вы не понимаете, — говорит он. — Ваш отец знал. Он создал это. Он создал меня.

Ира оборачивается. Тимофей стоит в дверях подсобки. В руке у него — ампула. Прозрачная, как слеза. Маркировка стёрта.

— Что ты сделал? — говорит Ира.

Тимофей смотрит на неё. Его лицо — молодое, почти детское, но глаза — пустые, как у человека, который слышал уже всё.

— Я сделал то, что он просил, — говорит он. — Это то, что он сказал мне сделать. Это то, что он записал в своём дневнике. Это то, что он хотел, чтобы я сделал, если что-то случится.

Ира смотрит на него. Она чувствует, как фотография впиивается в ладонь — там, где уже есть ранки от стекла.

— Что он записал? — говорит она.

Тимофей смотрит на неё. Потом на ампулу. Потом на фотографию, которую она держит.

— Он записал: «Если что-то случится — найди Иру. Она поймёт. Она единственная, кто поймёт». Он записал: «Скажи ей, что я не умер своей смертью. Скажи ей, что это — не деразин. Скажи ей, что это — тихий препарат». Он записал: «Скажи ей, что я люблю её».

Ира смотрит на него. Она сжимает фотографию в руке, и края бумаги впииваются в ладонь — там, где уже есть ранки от стекла.

— Ты подделал подпись, — говорит она. — Ты подписал журнал.

Тимофей смотрит на неё. Его лицо — молодое, почти детское, но глаза — пустые, как у человека, который слышал уже всё.

— Я не подделывал, — говорит он. — Я научился у вашего отца. Он учил меня. Он говорил: «Тимофей, если что-то случится — ты должен уметь подписать за меня». Он говорил: «Тимофей, ты — мой сын». Он говорил: «Тимофей, ты — мой наследник».

Ира смотрит на него. Она чувствует, как дождь стучит по стеклу, как гудит холодильник, как Акимов за её спиной молчит.

— Ты — его сын, — говорит она.

Тимофей смотрит на неё. Потом на ампулу. Потом на фотografiю, которую она держит.

— Я — его сын, — говорит он. — И я — тот, кто подписал журнал. Я — тот, кто подменил ампулу. Я — тот, кто сделал так, чтобы пациент получил то, что он получил. Я — тот, кто хотел, чтобы вы узнали.

Ира смотрит на него. Она чувствует, как ампула крошится в кармане — стекло продавливает ткань, и маленькие кусочки впиваются в кожу. Она не вынимает руку.

— Зачем? — говорит она. — Зачем ты это сделал?

Тимофей смотрит на неё. Он вертит ампулу в пальцах, и свет лампы проходит сквозь прозрачное стекло, дробясь на стене подсобки.

— Потому что он просил, — говорит он. — Он сказал: «Если я умру — найди способ рассказать Ире. Она не поверит словам. Она поверит только фактам». Он сказал: «Сделай так, чтобы она нашла это сама».

Ира смотрит на него. Она чувствует, как фотография впи-
вается в ладонь — там, где уже есть ранки от стекла.

— Ты мог просто сказать мне.

— Вы бы не поверили. — Он смотрит на неё, и его лицо —
молодое, почти детское, но глаза — пустые, как у человека,
который слышал уже всё. — Вы бы сказали, что я вру. Вы
бы сказали, что я хочу денег. Вы бы сказали, что я — никто.
Он говорил: «Ира не верит словам. Она верит только тому,
что видит своими глазами».

Ира смотрит на него. Она слышит, как гудит холодиль-
ник, как мигает зелёный крест за окном, как дождь стучит
по стеклу — размеренно, как метроном.

— Пациент, — говорит она. — Он мог умереть.

— Он не умрёт. — Тимофей смотрит на неё, и его зрачки
сужаются, взгляд становится жёстким. — Это не смертель-
ная доза. Это доза, которая останавливает сердце на несколь-
ко минут. Потом оно запускается снова. Он сказал: «Сделай
так, чтобы она пережила это. Сделай так, чтобы она почув-
ствовала, как это — когда кто-то умирает у тебя на руках».
Он сказал: «Она должна понять, что значит быть врачом».

Ира смотрит на него. Она чувствует, как ампула крошит-
ся в кармане — стекло продавливает ткань, и маленькие ку-
сочки впиваются в кожу. Она не вынимает руку.

— Ты хотел, чтобы я почувствовала, — говорит она. —
Ты хотел, чтобы я пережила то, что пережил он.

Тимофей смотрит на неё. Потом на ампулу. Потом на фо-

тографию, которую она держит.

— Он умер у меня на руках, — говорит он. — Он держал меня за руку и говорил: «Тимофей, ты должен понять. Ты должен стать сильным. Ты должен стать тем, кто сможет защитить её». Он говорил: «Ира — моя дочь. Но она — не такая, как я. Она — сильная. Она — умная. Она — та, кто сможет остановить это».

— Остановить что?

Тимофей смотрит на неё. Он вертит ампулу в пальцах, и свет лампы проходит сквозь прозрачное стекло, дробясь на стене подсобки.

— Это. — Он поднимает ампулу. — Тихий препарат. Он создал его для военных. Он думал, что это — спасение. Он думал, что это — способ остановить войну без крови. Но потом он понял, что это — не спасение. Это — убийство. И он хотел остановить это.

Ира смотрит на него. Она чувствует, как дождь стучит по стеклу, как гудит холодильник, как Акимов за её спиной молчит.

— Кто убил его? — говорит она.

Тимофей смотрит на неё. Его лицо — молодое, почти детское, но глаза — пустые, как у человека, который слышал уже всё.

— Тот, кто хотел заполучить формулу. Тот, кто думал, что сможет продать её. Тот, кто был рядом с ним. Тот, кто знал его подпись. Тот, кто знал, как подделать её.

Ира смотрит на него. Она чувствует, как фотография впи-
вается в ладонь — там, где уже есть ранки от стекла.

— Акимов, — говорит она. — Ты говоришь про Акимова.

Тимофей смотрит на неё. Потом на ампулу. Потом на фо-
тографию, которую она держит.

— Я говорю про того, кто сейчас стоит за вашей спиной,
— говорит он. — Я говорю про того, кто выдал вам ампулу.
Я говорю про того, кто знал, что в ней — не деразин.

Ира оборачивается. Акимов стоит у стола, и его пальцы
— жёлтые, как пергамент — лежат на журнале. Он смотрит
на неё, и его глаза — пустые, как окно в нежилом доме.

— Ты, — говорит Ира. — Ты убил его.

Акимов молчит. Потом смотрит на неё, и его лицо — как
белый лист, на котором пишут медленно, чернила впитыва-
ются, и каждое слово оставляет след.

— Я не убивал его, — говорит он. — Я любил его. Он был
моим другом. Но я знал, что он создал. Я знал, что он хотел
остановить это. Я знал, что он хотел уничтожить формулу.

— И ты убил его, чтобы получить её.

Акимов смотрит на неё. Его пальцы — жёлтые, как пер-
гамент — стучат по столу. Потом останавливаются.

— Я не убивал его, — говорит он. — Я пытался спасти
его. Я пытался убедить его, что это — не его дело. Я пытался
убедить его, что это — опасно. Но он не слушал. Он сказал:
«Я должен остановить это. Я должен уничтожить формулу».
Он сказал: «Если я не сделаю это — никто не делает».

Ира смотрит на него. Она чувствует, как ампула крошится в кармане — стекло продавливает ткань, и маленькие ку-сочки впиваются в кожу. Она не вынимает руку.

— Кто убил его? — говорит она.

Акимов молчит. Потом смотрит на неё, и его глаза — пу-стые, как окно в нежилом доме.

— Тот, кто был рядом с ним в ночь его смерти. Тот, кто знал, что он хотел уничтожить формулу. Тот, кто знал, что он собирался передать её тебе.

Ира смотрит на него. Она чувствует, как дождь стучит по стеклу, как гудит холодильник, как Тимофей за её спиной топчется на месте. Она слышит, как где-то далеко — на ули-це, за двойным стеклом — заводится мотор «Газели». Костя ждёт.

— Это ты, — говорит она. — Ты.

Акимов смотрит на неё. Он не отвечает. Он просто смот-рит, и его лицо — как белый лист, на котором пишут мед-ленно, чернила впитываются, и каждое слово оставляет след.

— Это не я, — говорит он. — Это тот, кто был рядом с твоим отцом. Тот, кто знал его подпись. Тот, кто знал, как её подделать.

Ира смотрит на него. Она чувствует, как ампула крошится в кармане — стекло продавливает ткань, и маленькие ку-сочки впиваются в кожу. Она не вынимает руку.

— Кто это? — говорит она.

Акимов смотрит на неё. Потом на фотографию. Потом на

страницу журнала, которую она всё ещё сжимает в руке.

— Это тот, кто был с твоим отцом в ночь его смерти, — говорит он. — Это тот, кто сейчас стоит за твоей спиной.

Ира слышит, как Тимофей перестаёт дышать. Она слышит, как гудит холодильник, как мигает зелёный крест за окном, как дождь стучит по стеклу — размеренно, как метроном. Она слышит, как Тимофей делает шаг назад — мягкий, почти неслышимый, но она слышит.

— Тимофей, — говорит она.

Он молчит. Потом она слышит его голос — молодой, но с хрипотцой, как будто он курил всю жизнь.

— Вы не понимаете, — говорит он. — Ваш отец знал. Он создал это. Он создал меня.

Ира оборачивается. Тимофей стоит в дверях подсобки. В руке у него — ампула. Прозрачная, как слеза. Маркировка стёрта.

— Что ты сделал? — говорит Ира.

Тимофей смотрит на неё. Его лицо — молодое, почти детское, но глаза — пустые, как у человека, который слышал уже всё.

— Я сделал то, что он просил, — говорит он. — Это то, что он сказал мне сделать. Это то, что он записал в своём дневнике. Это то, что он хотел, чтобы я сделал, если что-то случится.

Ира смотрит на него. Она чувствует, как фотография вписывается в ладонь — там, где уже есть ранки от стекла.

— Что он записал? — говорит она.

Тимофей смотрит на неё. Потом на ампулу. Потом на фотографию, которую она держит.

— Он записал: «Если что-то случится — найди Иру. Она поймёт. Она единственная, кто поймёт». Он записал: «Скажи ей, что я не умер своей смертью. Скажи ей, что это — не деразин. Скажи ей, что это — тихий препарат». Он записал: «Скажи ей, что я люблю её».

Ира смотрит на него. Она сжимает фотографию в руке, и края бумаги впиваются в ладонь — там, где уже есть ранки от стекла.

— Ты подделал подпись, — говорит она. — Ты подписал журнал.

Тимофей смотрит на неё. Его лицо — молодое, почти детское, но глаза — пустые, как у человека, который слышал уже всё.

— Я не подделывал, — говорит он. — Я научился у вашего отца. Он учил меня. Он говорил: «Тимофей, если что-то случится — ты должен уметь подписать за меня». Он говорил: «Тимофей, ты — мой сын». Он говорил: «Тимофей, ты — мой наследник».

Ира смотрит на него. Она чувствует, как дождь стучит по стеклу, как гудит холодильник, как Акимов за её спиной молчит.

— Ты — его сын, — говорит она.

Тимофей смотрит на неё. Потом на ампулу. Потом на фо-

тографию, которую она держит.

— Я — его сын, — говорит он. — И я — тот, кто подписал журнал. Я — тот, кто подменил ампулу. Я — тот, кто сделал так, чтобы пациент получил то, что он получил. Я — тот, кто хотел, чтобы вы узнали.

Ира смотрит на него. Она чувствует, как ампула крошится в кармане — стекло продавливает ткань, и маленькие ку-сочки впиваются в кожу. Она не вынимает руку.

— Зачем? — говорит она. — Зачем ты это сделал?

Тимофей смотрит на неё. Он вертит ампулу в пальцах, и свет лампы проходит сквозь прозрачное стекло, дробясь на стене подсобки.

— Потому что он просил, — говорит он. — Он сказал: «Если я умру — найди способ рассказать Ире. Она не поверит словам. Она поверит только фактам». Он сказал: «Сделай так, чтобы она нашла это сама».

Ира смотрит на него. Она чувствует, как фотография впивается в ладонь — там, где уже есть ранки от стекла.

— Ты мог просто сказать мне.

— Вы бы не поверили. — Он смотрит на неё, и его лицо — молодое, почти детское, но глаза — пустые, как у человека, который слышал уже всё. — Вы бы сказали, что я вру. Вы бы сказали, что я хочу денег. Вы бы сказали, что я — никто. Он говорил: «Ира не верит словам. Она верит только тому, что видит своими глазами».

Ира смотрит на него. Она слышит, как гудит холодиль-

ник, как мигает зелёный крест за окном, как дождь стучит по стеклу — размеренно, как метроном.

— Пациент, — говорит она. — Он мог умереть.

— Он не умрёт. — Тимофей смотрит на неё, и его зрачки сужаются, взгляд становится жёстким. — Это не смертельная доза. Это доза, которая останавливает сердце на несколько минут. Потом оно запускается снова. Он сказал: «Сделай так, чтобы она пережила это. Сделай так, чтобы она почувствовала, как это — когда кто-то умирает у тебя на руках». Он сказал: «Она должна понять, что значит быть врачом».

Ира смотрит на него. Она чувствует, как ампула крошится в кармане — стекло продавливает ткань, и маленькие кусочки впиваются в кожу. Она не вынимает руку.

— Ты хотел, чтобы я почувствовала, — говорит она. — Ты хотел, чтобы я пережила то, что пережил он.

Тимофей смотрит на неё. Потом на ампулу. Потом на фотографию, которую она держит.

— Он умер у меня на руках, — говорит он. — Он держал меня за руку и говорил: «Тимофей, ты должен понять. Ты должен стать сильным. Ты должен стать тем, кто сможет защитить её». Он говорил: «Ира — моя дочь. Но она — не такая, как я. Она — сильная. Она — умная. Она — та, кто сможет остановить это».

— Остановить что?

Тимофей смотрит на неё. Он вертит ампулу в пальцах, и свет лампы проходит сквозь прозрачное стекло, дробясь на

стене подсобки.

— Это. — Он поднимает ампулу. — Тихий препарат. Он создал его для военных. Он думал, что это — спасение. Он думал, что это — способ остановить войну без крови. Но потом он понял, что это — не спасение. Это — убийство. И он хотел остановить это.

Ира смотрит на него. Она чувствует, как дождь стучит по стеклу, как гудит холодильник, как Акимов за её спиной молчит.

— Кто убил его? — говорит она.

Тимофей смотрит на неё. Его лицо — молодое, почти детское, но глаза — пустые, как у человека, который слышал уже всё.

— Тот, кто хотел заполучить формулу. Тот, кто думал, что сможет продать её. Тот, кто был рядом с ним. Тот, кто знал его подпись. Тот, кто знал, как подделать её.

Ира смотрит на него. Она чувствует, как фотография впи-
вается в ладонь — там, где уже есть ранки от стекла.

— Акимов, — говорит она. — Ты говоришь про Акимова.

Тимофей смотрит на неё. Потом на ампулу. Потом на фото-
графию, которую она держит.

— Я говорю про того, кто сейчас стоит за вашей спиной,
— говорит он. — Я говорю про того, кто выдал вам ампулу.
Я говорю про того, кто знал, что в ней — не деразин.

Ира оборачивается. Акимов стоит у стола, и его пальцы — жёлтые, как пергамент — лежат на журнале. Он смотрит

на неё, и его глаза — пустые, как окно в нежилом доме.

— Ты, — говорит Ира. — Ты убил его.

Акимов молчит. Потом смотрит на неё, и его лицо — как белый лист, на котором пишут медленно, чернила впитываются, и каждое слово оставляет след.

— Я не убивал его, — говорит он. — Я любил его. Он был моим другом. Но я знал, что он создал. Я знал, что он хотел остановить это. Я знал, что он хотел уничтожить формулу.

— И ты убил его, чтобы получить её.

Акимов смотрит на неё. Его пальцы — жёлтые, как пергамент — стучат по столу. Потом останавливаются.

— Я не убивал его, — говорит он. — Я пытался спасти его. Я пытался убедить его, что это — не его дело. Я пытался убедить его, что это — опасно. Но он не слушал. Он сказал: «Я должен остановить это. Я должен уничтожить формулу». Он сказал: «Если я не сделаю это — никто не сделает».

Ира смотрит на него. Она чувствует, как ампула крошится в кармане — стекло продавливает ткань, и маленькие кусочки впиваются в кожу. Она не вынимает руку.

— Кто убил его? — говорит она.

Акимов молчит. Потом смотрит на неё, и его глаза — пустые, как окно в нежилом доме.

— Тот, кто был рядом с ним в ночь его смерти. Тот, кто знал, что он хотел уничтожить формулу. Тот, кто знал, что он собирался передать её тебе.

Ира смотрит на него. Она чувствует, как дождь стучит по

стеклу, как гудит холодильник, как Тимофей за её спиной топчется на месте. Она слышит, как где-то далеко — на улице, за двойным стеклом — заводится мотор «Газели». Костя ждёт.

— Это ты, — говорит она. — Ты.

Акимов смотрит на неё. Он не отвечает. Он просто смотрит, и его лицо — как белый лист, на котором пишут медленно, чернила впитываются, и каждое слово оставляет след.

— Это не я, — говорит он. — Это тот, кто был рядом с твоим отцом. Тот, кто знал его подпись. Тот, кто знал, как её подделать.

Ира смотрит на него. Она чувствует, как ампула крошится в кармане — стекло продавливает ткань, и маленькие кушочки впиваются в кожу. Она не вынимает руку.

— Кто это? — говорит она.

Акимов смотрит на неё. Потом на фотографию. Потом на страницу журнала, которую она всё ещё сжимает в руке.

— Это тот, кто был с твоим отцом в ночь его смерти, — говорит он. — Это тот, кто сейчас стоит за твоей спиной.

Ира слышит, как Тимофей перестаёт дышать. Она слышит, как гудит холодильник, как мигает зелёный крест за окном, как дождь стучит по стеклу — размеренно, как метроном. Она слышит, как Тимофей делает шаг назад — мягкий, почти неслышный, но она слышит.

— Тимофей, — говорит она.

Он молчит. Потом она слышит его голос — молодой, но с

хрипотцой, как будто он курил всю жизнь.

— Вы не понимаете, — говорит он. — Ваш отец знал. Он создал это. Он создал меня.

Ира оборачивается. Тимофей стоит в дверях подсобки. В руке у него — ампула. Прозрачная, как слеза. Маркировка стёрта.

— Что ты сделал? — говорит Ира.

Тимофей смотрит на неё. Его лицо — молодое, почти детское, но глаза — пустые, как у человека, который слышал уже всё.

— Я сделал то, что он просил, — говорит он. — Это то, что он сказал мне сделать. Это то, что он записал в своём дневнике. Это то, что он хотел, чтобы я сделал, если что-то случится.

Ира смотрит на него. Она чувствует, как фотография впивается в ладонь — там, где уже есть ранки от стекла.

— Что он записал? — говорит она.

Тимофей смотрит на неё. Потом на ампулу. Потом на фотографию, которую она держит.

— Он записал: «Если что-то случится — найди Иру. Она поймёт. Она единственная, кто поймёт». Он записал: «Скажи ей, что я не умер своей смертью. Скажи ей, что это — не деразин. Скажи ей, что это — тихий препарат». Он записал: «Скажи ей, что я люблю её».

Ира смотрит на него. Она сжимает фотографию в руке, и края бумаги впиваются в ладонь — там, где уже есть ранки

от стекла.

— Ты подделал подпись, — говорит она. — Ты подписал журнал.

Тимофей смотрит на неё. Его лицо — молодое, почти детское, но глаза — пустые, как у человека, который слышал уже всё.

— Я не подделывал, — говорит он. — Я научился у вашего отца. Он учил меня. Он говорил: «Тимофей, если что-то случится — ты должен уметь подписать за меня». Он говорил: «Тимофей, ты — мой сын». Он говорил: «Тимофей, ты — мой наследник».

Ира смотрит на него. Она чувствует, как дождь стучит по стеклу, как гудит холодильник, как Акимов за её спиной молчит.

— Ты — его сын, — говорит она.

Тимофей смотрит на неё. Потом на ампулу. Потом на фотографию, которую она держит.

— Я — его сын, — говорит он. — И я — тот, кто подписал журнал. Я — тот, кто подменил ампулу. Я — тот, кто сделал так, чтобы пациент получил то, что он получил. Я — тот, кто хотел, чтобы вы узнали.

Ира смотрит на него. Она чувствует, как ампула крошится в кармане — стекло продавливает ткань, и маленькие кусочки впиваются в кожу. Она не вынимает руку.

— Зачем? — говорит она. — Зачем ты это сделал?

Тимофей смотрит на неё. Он вертит ампулу в пальцах, и

свет лампы проходит сквозь прозрачное стекло, дробясь на стене подсобки.

— Потому что он просил, — говорит он. — Он сказал: «Если я умру — найди способ рассказать Ире. Она не поверит словам. Она поверит только фактам». Он сказал: «Сделай так, чтобы она нашла это сама».

Ира смотрит на него. Она чувствует, как фотография впи-
вается в ладонь — там, где уже есть ранки от стекла.

— Ты мог просто сказать мне.

— Вы бы не поверили. — Он смотрит на неё, и его лицо — молодое, почти детское, но глаза — пустые, как у человека, который слышал уже всё. — Вы бы сказали, что я вру. Вы бы сказали, что я хочу денег. Вы бы сказали, что я — никто. Он говорил: «Ира не верит словам. Она верит только тому, что видит своими глазами».

Ира смотрит на него. Она слышит, как гудит холодиль-
ник, как мигает зелёный крест за окном, как дождь стучит по стеклу — размеренно, как метроном.

— Пациент, — говорит она. — Он мог умереть.

— Он не умрёт. — Тимофей смотрит на неё, и его зрачки сужаются, взгляд становится жёстким. — Это не смертель-
ная доза. Это доза, которая останавливает сердце на несколь-
ко минут. Потом оно запускается снова. Он сказал: «Сделай
так, чтобы она пережила это. Сделай так, чтобы она почув-
ствовала, как это — когда кто-то умирает у тебя на руках». Он сказал: «Она должна понять, что значит быть врачом».

Ира смотрит на него. Она чувствует, как ампула крошится в кармане — стекло продавливает ткань, и маленькие кушочки впиваются в кожу. Она не вынимает руку.

— Ты хотел, чтобы я почувствовала, — говорит она. — Ты хотел, чтобы я пережила то, что пережил он.

Тимофей смотрит на неё. Потом на ампулу. Потом на фотографию, которую она держит.

— Он умер у меня на руках, — говорит он. — Он держал меня за руку и говорил: «Тимофей, ты должен понять. Ты должен стать сильным. Ты должен стать тем, кто сможет защитить её». Он говорил: «Ира — моя дочь. Но она — не такая, как я. Она — сильная. Она — умная. Она — та, кто сможет остановить это».

— Остановить что?

Тимофей смотрит на неё. Он вертит ампулу в пальцах, и свет лампы проходит сквозь прозрачное стекло, дробясь на стене подсобки.

— Это. — Он поднимает ампулу. — Тихий препарат. Он создал его для военных. Он думал, что это — спасение. Он думал, что это — способ остановить войну без крови. Но потом он понял, что это — не спасение. Это — убийство. И он хотел остановить это.

Ира смотрит на него. Она чувствует, как дождь стучит по стеклу, как гудит холодильник, как Акимов за её спиной молчит.

— Кто убил его? — говорит она.

Тимофей смотрит на неё. Его лицо — молодое, почти детское, но глаза — пустые, как у человека, который слышал уже всё.

— Тот, кто хотел заполучить формулу. Тот, кто думал, что сможет продать её. Тот, кто был рядом с ним. Тот, кто знал его подпись. Тот, кто знал, как подделать её.

Ира смотрит на него. Она чувствует, как фотография впи-
вается в ладонь — там, где уже есть ранки от стекла.

— Акимов, — говорит она. — Ты говоришь про Акимова.
Тимофей смотрит на неё. Потом на ампулу. Потом на фо-
тографию, которую она держит.

— Я говорю про того, кто сейчас стоит за вашей спиной,
— говорит он. — Я говорю про того, кто выдал вам ампулу.
Я говорю про того, кто знал, что в ней — не деразин.

Ира оборачивается. Акимов стоит у стола, и его пальцы
— жёлтые, как пергамент — лежат на журнале. Он смотрит
на неё, и его глаза — пустые, как окно в нежилом доме.

— Ты, — говорит Ира. — Ты убил его.

Акимов молчит. Потом смотрит на неё, и его лицо — как
белый лист, на котором пишут медленно, чернила впитыва-
ются, и каждое слово оставляет след.

— Я не убивал его, — говорит он. — Я любил его. Он был
моим другом. Но я знал, что он создал. Я знал, что он хотел
остановить это. Я знал, что он хотел уничтожить формулу.

— И ты убил его, чтобы получить её.

Акимов смотрит на неё. Его пальцы — жёлтые, как пер-

гамент — стучат по столу. Потом останавливаются.

— Я не убивал его, — говорит он. — Я пытался спасти его. Я пытался убедить его, что это — не его дело. Я пытался убедить его, что это — опасно. Но он не слушал. Он сказал: «Я должен остановить это. Я должен уничтожить формулу». Он сказал: «Если я не сделаю это — никто не сделает».

Ира смотрит на него. Она чувствует, как ампула крошится в кармане — стекло продавливает ткань, и маленькие кушочки впиваются в кожу. Она не вынимает руку.

— Кто убил его? — говорит она.

Акимов молчит. Потом смотрит на неё, и его глаза — пустые, как окно в нежилом доме.

— Тот, кто был рядом с ним в ночь его смерти. Тот, кто знал, что он хотел уничтожить формулу. Тот, кто знал, что он собирался передать её тебе.

Ира смотрит на него. Она чувствует, как дождь стучит по стеклу, как гудит холодильник, как Тимофей за её спиной топчется на месте. Она слышит, как где-то далеко — на улице, за двойным стеклом — заводится мотор «Газели». Костя ждёт.

— Это ты, — говорит она. — Ты.

Акимов смотрит на неё. Он не отвечает. Он просто смотрит, и его лицо — как белый лист, на котором пишут медленно, чернила впитываются, и каждое слово оставляет след.

— Это не я, — говорит он. — Это тот, кто был рядом с твоим отцом. Тот, кто знал его подпись. Тот, кто знал, как

её подделать.

Ира смотрит на него. Она чувствует, как ампула крошится в кармане — стекло продавливает ткань, и маленькие ку-сочки впиваются в кожу. Она не вынимает руку.

— Кто это? — говорит она.

Акимов смотрит на неё. Потом на фотографию. Потом на страницу журнала, которую она всё ещё сжимает в руке.

— Это тот, кто был с твоим отцом в ночь его смерти, — говорит он. — Это тот, кто сейчас стоит за твоей спиной.

Ира слышит, как Тимофей перестаёт дышать. Она слышит, как гудит холодильник, как мигает зелёный крест за окном, как дождь стучит по стеклу — размеренно, как метроном. Она слышит, как Тимофей делает шаг назад — мягкий, почти неслышный, но она слышит.

— Тимофей, — говорит она.

Он молчит. Потом она слышит его голос — молодой, но с хрипотцой, как будто он курил всю жизнь.

— Вы не понимаете, — говорит он. — Ваш отец знал. Он создал это. Он создал меня.

Ира оборачивается. Тимофей стоит в дверях подсобки. В руке у него — ампула. Прозрачная, как слеза. Маркировка стёрта.

— Что ты сделал? — говорит Ира.

Тимофей смотрит на неё. Его лицо — молодое, почти детское, но глаза — пустые, как у человека, который слышал уже всё.

— Я сделал то, что он просил, — говорит он. — Это то, что он сказал мне сделать. Это то, что он записал в своём дневнике. Это то, что он хотел, чтобы я сделал, если что-то случится.

Ира смотрит на него. Она чувствует, как фотография впи-
вается в ладонь — там, где уже есть ранки от стекла.

— Что он записал? — говорит она.

Тимофей смотрит на неё. Потом на ампулу. Потом на фо-
тографию, которую она держит.

— Он записал: «Если что-то случится — найди Иру. Она
поймёт. Она единственная, кто поймёт». Он записал: «Ска-
жи ей, что я не умер своей смертью. Скажи ей, что это — не
дразин. Скажи ей, что это — тихий препарат». Он записал:
«Скажи ей, что я люблю её».

Ира смотрит на него. Она сжимает фотографию в руке, и
края бумаги впиваются в ладонь — там, где уже есть ранки
от стекла.

— Ты подделал подпись, — говорит она. — Ты подписал
журнал.

Тимофей смотрит на неё. Его лицо — молодое, почти дет-
ское, но глаза — пустые, как у человека, который слышал
уже всё.

— Я не подделывал, — говорит он. — Я научился у ва-
шего отца. Он учил меня. Он говорил: «Тимофей, если что-
то случится — ты должен уметь подписать за меня». Он го-
ворил: «Тимофей, ты — мой сын». Он говорил: «Тимофей,

ты — мой наследник».

Ира смотрит на него. Она чувствует, как дождь стучит по стеклу, как гудит холодильник, как Акимов за её спиной молчит.

— Ты — его сын, — говорит она.

Тимофей смотрит на неё. Потом на ампулу. Потом на фотografiю, которую она держит.

— Я — его сын, — говорит он. — И я — тот, кто подписал журнал. Я — тот, кто подменил ампулу. Я — тот, кто сделал так, чтобы пациент получил то, что он получил. Я — тот, кто хотел, чтобы вы узнали.

Ира смотрит на него. Она чувствует, как ампула крошится в кармане — стекло продавливает ткань, и маленькие кусочки впиваются в кожу. Она не вынимает руку.

— Зачем? — говорит она. — Зачем ты это сделал?

Тимофей смотрит на неё. Он вертит ампулу в пальцах, и свет лампы проходит сквозь прозрачное стекло, дробясь на стене подсобки.

— Потому что он просил, — говорит он. — Он сказал: «Если я умру — найди способ рассказать Ире. Она не поверит словам. Она поверит только фактам». Он сказал: «Сделай так, чтобы она нашла это сама».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.